

РОМАН СЕНЧИН

.....

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
«БОЛЬШАЯ
КНИГА»

Напрямик

*Эту книгу
рекомендуют
вам 100
читателей*

В последнее время,
когда удастся одному
остаться, лечь на тахту
перед телевизором с бутылкой пива, —
прямо счастье чувствую.
Дышать аж легче... Самому мерзко.

Роман Валерьевич Сенчин

Напрямик (сборник)

Серия «Знак качества (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17206269
Сенчин, Роман Валерьевич. Напрямик : сборник рассказов:
Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87142-1*

Аннотация

Ностальгия по юности, по самому себе, тоска по погибшим идеалам, невозможность противостоять обстоятельствам – лейтмотивы этого сборника, объединяющего истории разных людей с общим советским прошлым. Главный вопрос каждого рассказа – «Почему так получилось?»: почему так дороги дешевые безделки из прошлого, почему честный путь привел в западню, почему обманула любовь, почему, для того чтобы держаться на плаву, нужно ежедневно предавать себя?

Эти правдивые истории, рассказанные Сенчиным без прикрас и напрямик, складываются в панораму российской жизни.

Содержание

Барби	5
Гоу датч	81
Валя	90
Регион деятельности	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Роман Сенчин

Напрямик (сборник)

© Сенчин Р., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Барби

Собираясь в пятый класс, дочка заявила, что детство кончилось и нужно отдать игрушки другим.

– Настя, – жена чуть не заплакала, – детство не кончилось, что ты говоришь... Но ты права, с большей частью игрушек пора попрощаться.

Еще четыре года назад, перед первым классом, Дробов с женой попытались избавить дочкину комнату хотя бы от части этих рваных зайцев, пыльных мишек, кукол без ног и прочего детского хлама, но тогда Настя отбраковала всего три-четыре вещи, а остальное сложила обратно: «Я не могу без них! Мне без них будет страшно!» И вот теперь сама...

Дробов обрадовался, хотя посчитал нужным сказать:

– Ты подумай до завтра, и завтра соберем. Я куплю специальный пакет и унесу маленьким детям.

На другой день, возвращаясь с работы, он купил в магазине подарков большой, пестрый, плотный пакет. Семьдесят рублей отдал. Но не в черный же мешок загружать – пусть у дочки останется доброе воспоминание.

И вот после ужина втроем сидели на полу перед горкой игрушек.

Одни, Дробов помнил, подарили Насте они с женой, другие – гости или в садике на день рождения, на Новый год; что-то покупали в «Макдоналдсе» и «Ростиксе» – эти дет-

ские наборы, но большая часть непонятно откуда взялась. Даже на вид – старые, прошлых десятилетий игрушки. Наверное, так же достались они Насте, как вскоре многое из этой горки достанется другим, нынешним трехлетним, пятилетним, чтобы еще через пять-семь лет перекочевать к следующим.

– Насть, – жена покрутила какого-то исцарапанного супермена без руки, – его никому не надо отдавать. Он совсем старенький.

– Зато очень сильный, всех побеждает, – объяснила Настя.

Но всмотрелась в супермена, и в глазах появилось что-то взрослое, очень взрослое, испугавшее Дробова. Такой взгляд у завсегдатаек торговых центров. Дескать, мы знаем на все настоящую цену, чем отличается оригинал от реплики, нас не наколоть.

– Ладно, – сказала твердо, – выбрасывайте.

Дробов отложил супермена-инвалида:

– Я отдам его одному мальчику. Он собирает суперменов, ремонтирует...

И, опережая вопрос жены: «Какому еще мальчику?» – подмигнул ей – «куда-нибудь дену».

Вроде бы простой процесс – загрузить пакет, освободив ящики пластмассового комода, пространство под кроватью, под письменным столом, а на самом деле – мучение. Тягостно.

Жена не выдержала, поднялась:

– Пойду на кухне приберусь. Посуда еще немытая... Настюш, не засиживайся, уже спать скоро.

Некоторое время дочка молча, как-то механически, брала левой рукой игрушки, мгновение смотрела на них, переключалась в правую, а потом уж клала в пакет. Дробов даже обрадовался – еще минут десять в таком темпе, и горка исчезнет. Но механичность оказалась обманчивой – Настя уронила руки и посмотрела на Дробова с тоской и болью.

– Пап, а «Побег игрушек» совсем-совсем сказка?

– В смысле?

– Ну, что они страдают, мечтают вернуться...

– В общем, да. – И уже твердо Дробов добавил: – Конечно, сказка. – А сам молил кого-то, чтоб Настя не вспомнила тот случай перед первым классом.

Буквально на первое сентября это произошло: она легла спать, на спинке стула висела готовая форма: клетчатый сарафан, белая блузка, колготки; на полу под стулом стояли черные лакированные туфли, на столе разложены банты, заколки, ранец... Все, готова к школе, новая жизнь.

И часов в одиннадцать – Дробов с женой тоже уже легли – в дочкиной комнате раздался шум. Непонятный, жуткий.

Вбежали, включили светильник. Настя сидела на кровати, глаза огромные, недоуменные. А возле кровати перебирал ногами и ржал упавший единорог, под кроватью шипела плита для готовки... Каким образом они включились, тем более одновременно, непонятно.

Дробов, не веривший в чудеса, потом себя убеждал, что Настя нечаянно нажала кнопку у единорога под гривой, а плита давно сошла с ума, иногда ни с того ни с сего начинала шипеть и булькать, но все-таки чувствовал, что это неспроста, не абсолютно случайно...

Нет, Настя не вспомнила или не захотела вспоминать.

– Но к игрушкам в любом случае нужно уважительно относиться, – сказал Дробов. – Отдам их хорошему ребенку, а от него потом они перейдут к следующему... Многие игрушки очень долго живут.

– А как ты узнаешь, что он хороший?

– Ну, посмотрю... поговорю...

«Лишь бы не спросила, где я его встречу». И, чтобы перевести разговор, Дробов поторопил:

– Давай, Насть, заканчивай. Уже действительно поздно.

– О, пап, смотри! – дочка подняла голую, со спутавшимися волосами куклу Барби. – Смотри, какие я ей когда-то ресницы пушистые сделала!

Вокруг глаз ручкой было сделано много-много черточек. Вверх и вниз, вбок. Синяя паста выцвела (а может, отмыть ее пытались) и стала почти лазурной. От таких ресниц взгляд у Барби был глуповато-удивленный и в то же время какой-то беззащитный и соблазняющий.

– Красишь ты ресницы в ярко-синий цвет, ждешь любви прекрасной, а ее все нет, – вдруг спел Дробов.

Спел и удивился: он не слышал эту песню давно, казалось,

наглухо забыл о ней, как о многом забываешь к сорока годам, и вот, в подходящий момент, песня взяла и всплыла, и не только припев, а, кажется, вся целиком: «Опять суббота, семь часов, и ты одна опять. Подружка с мальчиком своим опять ушла гулять...»

– А кто это поет? – заинтересовалась Настя. – Про кого?

– Была когда-то такая певица, Барби, – и Дробов усмехнулся тому, что помнит и это, – пела такую песню.

Дочка тоже усмехнулась:

– Ее прямо так и звали?

– Ну, сценическое имя. А как на самом деле – не знаю. Тогда это скрывалось, кажется, а потом она куда-то исчезла. И песни перестали крутить.

– Я оставлю Барби, – сказала дочка. – Платье ей сделаю потом... И вот эти игрушки. – Оказывается, она откладывала за спину, словно прятала, кое-что, видимо, особенно ей дорогое.

– Конечно! Что-то нужно оставить на память.

Закончили. Настя умылась, ушла спать. Дробов поставил пакет в прихожей, супермена сунул в карман куртки. Лег на тахту рядом с женой.

По телевизору показывали «Камеди клуб». Неуемные ребята веселились и веселили зрителей.

Какое-то время Дробов пытался понять смысл шуток и острот, включиться, а в голове толкались, стремились осво-

бодиться из-под толщи времени давние воспоминания. Дробов этого боялся – воспоминания чаще всего доставляли боль, сжигали и без того скудные запасы энергии; и сейчас он всячески хотел остаться вот таким, лежащим, отдыхающим, вяло улыбающимся шуткам в телевизоре. Да, было прошлое, но есть настоящее, будет завтра, послезавтра, и это важнее того, что случилось двадцать лет назад, пятнадцать, десять. И даже вчерашний день уже не так важен – пережили его, и слава богу.

Дробов давил воспоминания, запихивал обратно под толщу и в то же время удивлялся, как легко выскочила на язык давняя песенка, как на секунду стало приятно, и как тревожно, неуютно было сейчас, когда она потянула за собой остальное... И в голове вертелось, как поцарапанный винил: «Красишь ты ресницы в ярко-синий цвет...»

– Что, засыпать будем? – спросила жена и провела ладонью Дробову по груди.

– Да, надо, – отозвался он, и, может, как-то не так, не таким тоном отозвался, потому что жена забеспокоилась:

– Что-то случилось? Леш...

– Да нет, нет. Устал просто... И эти игрушки – грустно все-таки...

– Растет дочка. Десять лет. А кажется, вчера только бегали по рынку, искали ванночку подешевле.

Десять лет назад. Две тысячи второй год... Жена лежала в роддоме на сохранении больше месяца. Дробов, конечно, не

мог работать по прежнему графику, а дисциплина в компании была жесткая. И после нескольких отгулов, пары-тройки опозданий потребовали написать заявление.

Дробов уволился с легкостью – попросту стыдно стало осознавать, что в тридцать лет, вот-вот отец, взрослый человек, он работает экспедитором. Но новое место не находилось; с деньгами сразу стало туго. И его родители, и родители жены, конечно, помогали, но все мгновенно на что-то тратилось.

В итоге Дробов снова устроился экспедитором. До того развозил молочные продукты, а теперь стал развозить пиво. Зарплата была немного выше, но статус остался прежним, даже слегка упал. Одно дело молоко, йогурты, сырки, а другое – пиво. И вообще такая работа уже мешала жить: москвич с немосковской профессией... А когда-то на статус в таком его смысле Дробову было плевать.

Отлистнул еще десять лет... Весной девяносто второго вернулся из армии. Энергия зашкаливала – новая послеармейская жизнь совпала с новой жизнью страны... Ну, не совсем новой, но то, что два года назад, в восемьдесят девятом, было почти подпольным, стало доступным, модным. А главное – возраст самый подходящий для того, чтобы что-то свершать, реализовывать идеи, как принято теперь говорить. Ведь одно дело, когда тебе семнадцать и ты многого хочешь, но почти ничего не можешь и не умеешь, а другое – двадцать, два года из которых ты протомился, протосковал,

прозился на зоне под названием в/ч...

Лет с тринадцати-четырнадцати Дробов увлекался рок-музыкой. Бегал в подвалы, в районные Дома культуры, какие-то квартиры на концерты, собирал записи. Копил деньги на бобины для магнитофона, немного позже – на пластинки... Раз двадцать посмотрел фильм «Взломщик», в котором играл его тогдашний кумир Константин Кинчев и вообще впервые, кажется, рок-культура была показана подробно, крупным планом. А на такую мелочь, как мысль, что из-за рока у героев много неприятностей и даже трагедии, что синтезатор украли, большинство зрителей не обращали внимания.

Да, в восьмидесятые, героические восьмидесятые, Дробов и его друзья были маленькими. Впитывали, фанатели, ощущали желание тоже что-то делать, но ничего делать еще не умели. Так, бренчали на дешевой акустике, сочиняли банальные песни, которые и разучивать было стыдно. А вот в девяносто втором...

Дробов пришел из армии злым. Злоба копилась в нем два года – армейская дисциплина, пафосные построения и выносы знамени казались абсурдными, идиотскими на фоне разваливающейся страны, ежевечерний просмотр программы «Время» будоражил и не давал уснуть; в августе девяностого погиб Виктор Цой, в октябре девяносто первого – Майк Науменко, а оставшиеся рок-музыканты запели какие-то странные, совсем не про жизнь, не про происходящее, песни. Да-

же сибирский панк Егор Летов ушел в искусственную, убогую мистику. «Летели качели без пассажиров, без постороннего усилия, сами по себе». Казалось, рокеры, очень много сделавшие для перемен в стране (которая из-за этих перемен в итоге и распалась), первыми испугались и стали прятаться от реальности.

Из казармы Дробов искал новые живые песни, но не находил. Туманное не понимал, откровенно стебное, вроде Лаэртского, «Сектора газа», не любил. Много месяцев надеялся, что в последней пластинке «Кино» есть настоящее – даже выписал ее прямо в часть (пластинка тогда распространялась в комплекте с полиэтиленовым пакетом и плакатом), прятал в каптерке, искал по части проигрыватель с хорошей иглой, и когда нашел в Доме офицеров, получил разрешение послушать, то после пяти минут чуть не сломал пластинку. Попса! Причем попса хуже «Комбинации». Те хоть не скрывают, попсиат откровенно, а здесь... Понятия «рокопопс» тогда еще не было, но, может, как раз из-за этого последнего альбома группы «Кино» оно и появилось – форма вроде бы рокерская, а содержание попсовое.

Позже, через много лет, повзрослев, пообтесавшись о жизнь, Дробов слегка смягчился в своем отношении к тем песням и хоть пластинку с тех пор не слушал (да и не помнил, где она, куда девалась), но, когда слышал их на улице возле музыкальных магазинов или в клубах, в груди теплело. Не от самих песен, а от того, с чем они связаны – с прошлым.

Плохое оно было или не очень, но главное — было.

В декабре девяносто первого, за три месяца до приказа об увольнении в запас дробовского призыва, Советский Союз погиб официально. По вечерам, после телевизора, деды по долгу сидели в курилке и делились слухами: приказ перенесут на лето, а то и на осень, срок службы увеличат до трех лет (а только что сократили с двух лет до полутора), и значит, им нужно настраиваться еще на год; вот-вот начнется настоящая война, и то, что происходит сейчас в Молдавии, Карабахе, Осетии, Средней Азии, разольется по всей стране... Во все это верилось в тот момент, и в их тихой мотострелковой части в окрестностях карельской Лахденпохьи ожидали сигнала «Боевая тревога!», приказа не о дембеле, а о выдвижении на Питер, на Москву, на Кавказ... Стрельба, кровь, вой раненых...

Некоторые открыто собирались дезертировать, если начнется заваруха: «Гражданка в каптерке. Перелез за баней через забор — и до дому. Все равно все одним местом накрывается, можно и без военника жить».

Да, парни, в том числе и Дробов, подумывали сбежать, но никто не сбежал, а наоборот, перед самым дембелем шесть человек их призыва остались на сверхсрочную.

Дробова сначала эта новость оглушила: как это, два года мечтать о доме, о свободе, ненавидеть плац, казарму, воняющий гнилью пищеблок, а потом взять и добровольно остаться, служить за копейки. И одновременно с этой оглушенно-

стью в нем самом рос страх перед той жизнью, какой он заживет, вернувшись домой... Вот выходит за ворота, станция, садится в поезд, через десять часов на площади Трех вокзалов, получает в военкомате паспорт. А дальше?

Страх слегка гасили мечты. Что вот дембельнется, встретится с друзьями, соберут группу (за два года Дробов сносно научился играть на акустике, сочинил несколько неплохих текстов), и начнется настоящая, бурная и сытая жизнь. Вон сколько групп появилось в последнее время, и мгновенно становятся известными, концерт за концертом, интервью, тачки. А песни-то – фигня. Кто такое слушает?.. А вот их группа – она действительно будет выдавать настоящее.

Это были даже не мечты, а уверенность, та уверенность, какая поселяется в человеке, находящемся в замкнутом пространстве, несвободе. В глубине души Дробов понимал, что уверенность эта обманчива, но она помогала переживать последние, самые трудные, долгие недели перед увольнением. Хоть как-то планировать будущее.

Утро в будни начиналось в половине седьмого. Пиликал будильник в мобильном телефоне, и Дробов с женой поднимались.

Поднимались медленно и тяжело, зевая, вздыхая; казалось, что совсем не выспались, но уже через десять минут оживали и начинали торопиться. Дробову нужно было быть на работе в восемь, жене – в девять. Обычно она и отводила

дочку в школу. Школа находилась рядом – во дворах через переулок, – правда, одну Настю пока не отпускали.

Летом и в каникулы распорядок немного менялся – Настя оставалась дома. Раньше это было почти неразрешимой проблемой: как разорваться между работой и дочкой. Приходилось то просить бабушек и дедушек посидеть (но у них тогда было много своих дел, все четверо тоже еще работали), то брать отгулы, то находить дежурные детские сады, работающие в июле – августе, и школьные лагеря (отправлять Настю далеко не хватало денег, да столько ходило разговоров нехороших, что отпускать было страшно) ... В общем, отдых для ребенка становился не отдыхом, а общесемейным мучением.

Но вот она подросла и теперь оставалась в квартире одна, сама могла разогреть обед, занять себя чем-нибудь; гулять одной ей не разрешали, она и не рвалась – все эти новости о похищении детей пугали и ее...

Сейчас конец августа, последняя неделя лета; Настя собирается в школу – теперь у них будут отдельные учителя по предметам, все совсем всерьез, и она серьезно к этому готовится. Жена как раз взяла недельный отпуск, помогает, подкупает мелочовку...

Да, вот-вот осень. Сначала сентябрь, потом октябрь, а там почти зима... В сентябре продажа пива становится выше, чем летом, а затем снижается, снижается... Снижается и зарплата. Хорошо, что есть подработка, несколько лет уже есть, неплохая по деньгам, физически довольно легкая. Именно

физически. А если начнешь раздумывать, вспоминать, чего хотелось и что получилось... Нет, не надо раздумывать и вспоминать. Стыдная, короче говоря, подработка, и Дробов ее держит в тайне даже от жены, хотя деньги в семейный бюджет отдает...

Вышел сегодня минут на десять раньше обычного – нужно было завернуть в молочную кухню. Нес туда пакет.

Настя оставила несколько мягких игрушек, среди них большую кошку, которая когда-то мурчала, а потом сломалась, но осталась любимой; не решилась дочка расстаться и с тремя Барби, в том числе и с той, с нарисованными ресницами. Обещала сделать им новые платья и подарить потом своей дочке... Еще кое-что, конечно, осталось, но комод освободился, под кроватью больше не было завала. Комната не ребенка уже, а девочки-подростка. Десять лет.

Дробов нес в молочную кухню лучшее – всякий лом и хлам спустил вчера поздно вечером в мусоропровод. Конечно, больно было выбрасывать даже откровенно негодное, но что делать... Ладно, так или иначе, но на протяжении жизни нужно проводить несколько таких чисток. Жизнь делится на этапы, и в каждый желательно входить без лишнего груза. Иногда избавляешься от него сознательно, как вот Настя сделала, а чаще происходит это незаметно, само собой – однажды приостановишься, оглядишься и видишь, что рядом нет вещей, которые считал бесценными, людей, которые были друзьями, и любимые некогда песни не слушал давным-дав-

но, любимые книги теперь где-то на антресолях...

Молочка располагалась на первом этаже девятиэтажки. Две комнаты. В одной по утрам толпятся посетители – родители, бабушки, инвалиды, а в другой суетятся две грузные тетеньки в белых халатах, выдают по рецептам кому пакетики с молоком и кефиром, кому упаковки порошка для грудников, кому диетический творожок... Когда-то каждое утро сюда прибегал Дробов, хватал нужное и мчался обратно домой, совал жене и снова бежал, но уже в метро – на работу.

Случалось, появлялся здесь удачно – получал питание почти без очереди, а бывало, очередь вытягивалась аж до тротуара. Сегодня было нечто среднее – на крыльце и ступеньках несколько человек. Дробов увидел их, и внутри знакомо засосало: стоять, терять драгоценные минуты... Но вспомнил, что он здесь по другому поводу, и весело взбежал на крыльцо, сунулся внутрь.

– Здесь вообще-то очередь, – тихо, но раздраженно заметила молодая женщина с темными кругами вокруг глаз; Дробов не разглядел, то ли это косметика, то ли от утомления.

– Да я не за питанием...

– Да? А за чем, интересно? – голос завибрировал; понятно, решила, что он не просто хам, а еще и подлец какой-то.

В очередях в молочку перебранки возникали редко. Люди старались быть вежливыми, терпимыми, словно товарищи по некоему испытанию; женщин с маленькими детьми часто пропускали вперед, но уж с теми, кто нагло лез, не це-

ремонились.

– Игрушки хочу оставить, – стал объяснять Дробов. – Дочка выросла, попросила отнести.

– Да? – теперь это «да» прозвучало иначе, жадновато как-то. – А что там?

– Куклы, зверюшки из шоколадных яиц, – с каким-то удовольствием стал перечислять Дробов, – детали «Лего»...

– «Лего»? – глаза женщины заблестели. – У меня старший собирает, совсем чокнулся – постоянно новые требует... Давайте мне, я отберу, что надо.

Он протянул пакет:

– Только остальное не выбрасывайте. Там много всего... На стол там положите, – кивнул в коридор молочки.

– Да-да, конечно...

Избавившись от пакета, Дробов почувствовал себя небывало легко – действительно, как гора с плеч. Бодро пошагал к метро и даже запел:

– Красишь ты ресницы...

Показалось, что поет очень громко. Замолчал, оглянувшись. Хорошо, что сзади никого не было. Неудобно: взрослый человек... Как-то Дробов стоял на эскалаторе и за спиной слышал хрипловатое, басовитое: «Девочкой своею ты меня назови, а потом обними, а потом обмани». Дробов машинально посмотрел на поющего – немолодого коренастого мужика. Они встретились взглядами, и в глазах мужика мелькнул испуг. Будто опозорился, оскрамился.

Нет, бывает, бывает. Налипнет на язык какая-нибудь глупость и вертится неделями.

Контора находилась в районе метро «Авиамоторная». Вокруг станции красивые жилые дома, трамваи позванивают, а отойдешь от шоссе Энтузиастов на несколько десятков метров – и оказываешься среди железобетонных заборов, складов, ржавых ворот. Настоящая окраина, хотя по карте и находишься недалеко от центра. Но лет пятьдесят назад это действительно была окраина, потом город разросся, а такие вот островки остались. И здесь, и недалеко от метро «Дмитровская», и возле «Тульской», и возле «Белорусской», где в Большом Тишинском переулке Дробов жил до свадьбы...

Склады и ангары, территории за заборами кажутся пустыми, безжизненными, брошенными, а на самом деле там кипит жизнь. Разгружают и загружают грузовики, озабоченно пересчитывают коробки, упаковки, мешки, передают из рук в руки пачечки денег... Склады больше напоминают развалины, кабинеты как чуланчики; грузовики в основном грязные, зараженные ржавчиной «Газели» и «бычки», накладные вечно какие-то мятые, в рваных файлах, деньги кажутся липкими... Уже лет десять повсюду говорят о цивилизованной поставке товаров, об электронных документах, санитарных нормах, новых складских помещениях, и все это появляется, но сколько еще таких вот контор, как эта, где работает Дробов.

Шагает через коридорчик проходной. Здравается с охранником коротким кивком и получает такой же короткий, экономный кивок. Это у них как пропуск, и, кажется, кивни иначе, охранник заподозрит неладное, задержит.

Дождей не было давненько, поэтому территория сухая, без луж. Но когда случается ливень, и в сентябре, октябре, когда на Москву льет и льет, возле ворот образуется настоящее озерцо, и тогда плохое настроение возникает с самого начала дня – хреново выезжать на маршрут, форсируя грязную преграду... Раза три-четыре на памяти Дробова углубление перед воротами засыпали гравием, но вскоре гравий исчезал и лужа появлялась снова – будто природа сама выбрала именно это место для того, чтобы дождевая вода и талый снег куда-то стекали. Выбрала место и не желала его отдавать.

Первым делом Дробов заходит в двухэтажный домишко. В конуре с одним крошечным окном сидит Света, девушка лет двадцати семи, а может, и больше. Дробову стало сложно судить о возрасте давно знакомых людей – вроде и десять лет назад той же Свете было лет двадцать семь, и теперь... Когда видишь человека чуть ли не каждый день, изменения почти незаметны.

– Привет, – говорит Дробов.

Света отвечает бесцветным междометием.

Когда-то они улыбались при встрече, перешучивались, обменивались новостями, советовали друг другу посмотреть

интересный фильм, но однажды Дробов, опять же шутиливо, спросил Свету: «Ты специально “экспедитор” через “и” пишешь? Фишка такая?» Он давно замечал, что в документах стоит «экспидитор», усмехался, и вот спросил. Надеясь, что Света улыбнется, скажет: «Ой, точно, надо же “е”!» И будет ставить «е». Но Света не улыбнулась, а пристально посмотрела в накладную, нахмурилась, тычком сунула Дробову документы и через губу объявила маршрут: «Север-два».

С тех пор шутки закончились, теплое общение прекратилось. А «и» в документах продолжает появляться... Что-то нездоровое чувствуется в такой Светиной обиде. Впрочем, это понятно: на протяжении многих лет сидеть в этой конурке, заниматься одним и тем же и оставаться психически здоровой – это, наверно, утопия... А как она живет вне работы, Дробов не знает. Обручального кольца на пальце не было и нет; может, она не просто улыбалась Дробову. А он взял и обидел, уличил в неграмотности, ткнув в это «и».

Извиняться теперь, конечно, глупо, да и за что, собственно, извиняться? Пускай дуется... Но так неприятно, когда тебе буркают, чуть не швыряют накладные...

– Юг-один, – объявляет Света, резко протягивает документы, глядя в то же время подчеркнуто внимательно в экран компьютера. Монитор громоздкий, занимающий с четверть стола; Дробову хочется посоветовать Свете, чтобы попросила начальство купить узенький монитор, он ведь пустяки стоит, а от этого глаза портятся... Но, естественно, не

говорит, а лишь благодарит по возможности теплее:

– Спасибо, Света!

Маршрут очень даже неплохой. Это не тащиться куда-нибудь в Медведки или на Юго-Запад, не ползать по переполненному центру. Главное, пробиться без проблем по Третьему транспортному, переехать Москву-реку. Нагатинский мост все еще ремонтируют – вместо четырех полос открыты две... Но по этому маршруту вполне реально часов до пяти закончить. А в шесть быть дома.

За те годы, что Дробов работает здесь, начальство несколько раз пыталось провести некоторые изменения. К примеру, когда пробки стали практически повсеместными с семи утра до десяти вечера, развозку груза перенесли на ночь. С одной стороны, вроде бы разумно – магазины и киоски почти везде круглосуточные, а дороги ночью свободны: развозка происходит намного быстрее, чем днем. Но коллектив (хотя какой это коллектив – десятка три случайно оказавшихся здесь людей) не поддержал: часть грузчиков не приходила в положенное время, а если и приходили, то нередко пьяные; несколько водил попросту уволились, да и экспедиторы, товароведы были недовольны новым графиком, то и дело опаздывали, брали больничные.

Начальству это недовольство было в общем-то по барабану. Недовольным предложили расторгнуть контракты (в штате числилось всего человек семь-восемь, остальные

работали по контракту); водил, грузчиков, экспедиторов в Москве всегда как грязи – уйдут эти, набегут по объявлению другие. Но произошли одна за другой две серьезные аварии (слава богу, без смертельных случаев), несколько мелких. То ли водители были утомлены после дня, то ли почувствовали простор пустых улиц и втопили газ... Чтобы не начались проверки конторы – «им только повод дай», – наверху решили вернуться к прежнему графику. Пусть лучше днем кое-как. Как большинство. По крайней мере, незаметней.

Дробова вообще-то переход на ночные рейсы почти не напряг. Днем была возможность выспаться, пока Настя в школе, жена на работе; подработка и репетиции происходили в семь-девять вечера, поэтому на работу он успевал... А вот другая новация возмутила. Да нет, попросту стала угрожать Дробову увольнением, то есть – по-современному – непродлением контракта.

Воспользовавшись очередным финансовым кризисом, начальство задумало оптимизировать количество сотрудников. Покумекало и пришло к выводу, что экспедитор-то, в принципе, лишнее звено, а его обязанности может совмещать водитель за небольшую прибавку к зарплате.

Опять же, в принципе, разумная мысль, только на деле совместить водилу с экспедитором получалось далеко не всегда. Проблемы начинались с погрузки – водители, по какой-то их водительской традиции, что ли, не очень торопились отправиться в рейс. Интересно, что при экспедиторе,

который почти всегда безуспешно пытался подгонять грузчиков, водитель, потомившись в кабине, мог гаркнуть на всех скопом, включая завскладом: «Мне что, вообще сегодня не выезжать?! Давайте живей!» И грузчики начинали шевелиться. А с накладными в руках, уже в роли экспедиторов, водилы становились неопытными экспедиторами – несмело, вяло уговаривали грузчиков поторопиться, путались в товаре, количестве... Из небожителя, каким у нас с давних пор считается человек, управляющий техникой, водила превращался в простого смертного, которого можно, хотя и не всегда открыто, но послать.

Главные же геморы возникали при разгрузке. Одно дело, когда товар привозили в ларек – там было, чаще всего, без осложнений: передал две-три упаковки пивка, получил роспись в накладной и дуй дальше, а вот когда доезжали до супермаркета...

С действительно большими супермаркетами их контора не работала – там поставки были серьезные и от серьезных дистрибьюторов, – товар поставляли во всякие «Кварталы», «Дикси», «Дешево». Эти магазины находятся на первых этажах жилых домов, разгрузка часто происходит на тротуаре, и перед дверями выстраиваются вереницы грузовиков. Одни с пепси, другие с молоком, третьи с капустой... Тут же выполняют из дворов легковушки, ругаются прохожие. Настоящее столпотворение. И нередко экспедиторам приходится становиться регулировщиками или хватать упаковки и нести без

очереди в магазин: «Прими, тут всего ничего. Пожалуйста».

Водителю одному в такой ситуации очень сложно – можно часа три потратить на то, чтобы добраться до вожаемых дверей и сдать несколько упаковок.

В общем, эта оптимизация тоже практически провалилась. Из одиннадцати водил лишь двое обходятся без экспедиторов – готовы больше работать, время терять за лишние пять тысяч рублей.

По существу, лишь одно новшество порадовало коллектив – покупка автокара. С ним даже не то что быстрее все происходит, а как-то настроение поднимается, когда его видишь: вроде бы цивилизация, модернизация и у них, в их явно левой полуподпольной конторе.

Заполнили сегодня кузов «бычка» довольно энергично – Сане, водиле, с которым Дробов работает в паре, даже прикрикнуть не пришлось. Как-то удачно живо грузчики были настроены.

Напоследок Дробов еще раз сверил количество и ассортимент пива в кузове с накладной. Все в порядке... Спрыгнул на землю.

– Едем? – спросил Саня, мощный, морщинистый, не похожий на свои немного за тридцать; какое-то преждевременное старение, что ли, или так и должен выглядеть мужчина этого возраста, и то, что большинство тридцатилетних выглядят в Москве почти юношами, аномалия...

– Едем, едем, – закивал Дробов; он ощущал себя рядом с Саней как младший и по возрасту, и по должности.

Саня застегнул тент. Сели, тронулись.

– Юг-один сегодня? – И, не дожидаясь ответа, Саня оценил: – Нормал.

Включил радио, из динамиков, установленных в обшивке салона, ударили звуковые волны. И зазвучала песня:

Давайте выпьем, Наташа,
Сухого вина,
За то, чтоб жизнь была краше,
Ведь жизнь одна.

– Это, если не ошибаюсь, «Фристайл»? – послушав, спросил Дробов.

– Да какой «Фристайл»! – Саня возмутился. – Эт «Сталкер». Андрей Державин. У меня под его «Не плачь, Алиса» половое созревание происходило.

Дробов усмехнулся понимающе.

– А «Фристайл» – Казаченко, – охотно продолжал объяснять обычно молчаливый Саня. – Помнишь, который все хныкал: «Больно мне, больно...»

– М-м, точно... Интересно, где теперь Андрей Державин. Что-то давно о нем не слышно.

– Клавишником в «Машине времени».

– Да?.. Вроде совсем из разных кругов.

– Но музыкант-то неплохой.

– Слушай, Саня, – Дробов почувствовал, что сейчас подходящий момент задать один вопросик, – а ты не помнишь, была такая певица – Барби?

– Барби? – Саня нахмурился, вспоминая, морщины превратились в борозды. – А что она пела?

– Ну, такое... «Красишь ты ресницы в ярко-синий цвет, ждешь любви прекрасной, а ее все нет».

– Что-то было... когда-то слышал, кажется... А каких времен?

– Да тоже начала девяностых. Вот вспомнилось вчера и теперь вертится...

– Бывает.

Съехали с относительно свободного шоссе Энтузиастов на широкое, но забитое машинами Третье транспортное. Саня заворчал, запсиховал, и Дробов не стал продолжать разговор о полузабытой музыке, отвалился на спинку сиденья, прикрыл глаза. И посочились, полезли в голову воспомина- ния.

Нет, не совсем воспоминания, а словно бы склеенные как попало обрывки пленки с его прошлым, прошлой жизнью. Увиделся двор родной девятиэтажки в Большом Тишинском. Девятиэтажка была тогда новой, только построенной, а вокруг двухэтажные, трехэтажные домишки... Но в середине восьмидесятых домишки стали активно сносить. И теперь ни в самом переулке, ни по соседству почти ничего не осталось от старой Москвы; был на перекрестке Большого

Тишинского и Малой Грузинской улицы симпатичный дом, полукруглый, с магазинами внизу. Такой, из девятнадцатого века. Но года три назад добрались и до него, стали проводить капремонт, а в итоге оставили лишь фасадную стену. Как обломок зуба торчит... Обещают эту стену сохранить, пристроив к ней новое здание, но вряд ли получится – стена в таком состоянии, что теперь легче и безопаснее доручить, чем пристраивать...

Вслед за этим мелькнула сценка, как Дробов покупает на Горбушке свою первую электрогитару... Сквер, торговцы с пластинками, кассетами, струнами, и вот Дробов принимает в руки бордовую «Форманту», большую, с массой кнопочек...

– В ней фуз есть, – говорит уже бывший хозяин «Форманты». – Для рубилова – само то. Что играть-то собираешься?

– Рок, – слегка растерянно отвечает Дробов.

В глазах у стареющего парня грусть. То ли тяжело расстаться с гитарой, то ли еще что... И на прощание он желает удачи – словно отправляя Дробова в путь, который мало кому удастся пройти.

... Дробов приподнял тяжелые, будто двое суток не спал, веки, посмотрел вперед – за лобовым стеклом ряды машин, ползущих со скоростью гуляющего человека... Хорошо, что хоть так. Бывает, встанешь и стоишь десять минут, пятнадцать, полчаса. Потом кто-нибудь самый нетерпеливый вылезает из машины и идет вперед узнать, что там случилось,

и, возвращаясь, сообщает высовывающимся водителям рыдающим голосом: «Опять авария!» Или по радио узнаешь, что ДТП, и пробка образовалась такой-то протяженностью, и загруженность трассы десять баллов. И ни вбок, ни назад, ни машину не бросить. Сидишь и ждешь. Обязательно где-нибудь отчаянно «скорая» завывает, крикает полицейский автомобиль. От бензинового дыма болит голова, хочется пить, есть, хочется в туалет...

Но сейчас двигались. Медленно, то и дело приостанавливаясь, все же покрывали эти драгоценные метры Третьего транспортного кольца... Саня ворчал, что надо было по Рогожскому валу и там через Новоспасский мост... «Хотя наверняка тоже забито. Бля, ловушка, а не город».

Дробов поддержал вздохом.

... Он дембельнулся в мае девяносто второго. Сразу пошел по друзьям – по тем, с кем два года назад учился играть на гитаре, мечтал собрать группу. С этой мыслью и пошел – теперь уже не мечтать, а действовать.

Один из друзей еще служил в армии, двое превратились в мелких бандитов и не помнили ни о каких гитарах, ни о какой группе. Еще один друг поступил в институт и учился с упорством взявшегося за ум дебила... Вообще встречи с друзьями не получилось – друзья стали другими, говорили на каком-то другом языке; Дробову казалось, что он пробыл вдали от Москвы не два года, а лет десять...

Ребята в группу собирались постепенно. С Андреем, со-

ло-гитаристом, Дробов познакомился на концерте «Мамонов и Алексей», с барабанщиком Пашей, у которого была смешная фамилия Гусь, органично превратившаяся в погоняло, на пивном празднике, с Максом, который стал басистом, в музыкальном магазине на Арбате.

Первое время просто встречались, выпивали, выясняли, кому какие группы нравятся, что бы сами хотели играть. Андрей показывал свои тексты, Дробов – свои. Корявенько пели их под акустику и объясняли, как видят их в инструментале. Долго искали место для репетиций, собирали Паше ударную установку (первоначально он обладал лишь рабочим и тарелкой).

... Сравнивая свои мытарства с воспоминаниями рокеров семидесятых – восьмидесятых, Дробов видел, что им с парнями теперь, во времена свободы, куда труднее. В восьмидесятые довольно легко можно было устроить базу в каком-нибудь ДК; в Питере и Свердловске были рок-клубы, в Москве – рок-лаборатория, а теперь... Нет, всяческих студий появилось немало, но за них нужно было платить, владельцы видели в музыкантах коммерков, решивших разбогатеть, лабая песенки, а не идейных, не собратьев...

Каким представлял в двадцать лет Дробов свое будущее? Конечно, видел себя человеком, живущим музыкой, музыкой зарабатывающим. И ничего сверхъестественного – вон сколько групп вокруг, и мест для выступлений становится все больше и больше. Повсюду клубы.

Несколько раз родители заводили разговор, что нужно бы Леше поступить в институт, ну, или в училище на худой конец. «Необходимо иметь профессию». Тогда Дробову, сутками сидящему в своей комнате с гитарой – учился играть, поставив маленький усилитель на минимальную громкость, – эта мысль казалась дикой. А он чем занимается? Как раз и приобретает профессию.

Лето прожил на родительские деньги и на то, что ему выдали, когда увольнялся из армии (даже вот «Форманту» удалось купить), а ближе к осени все-таки устроился на работу. Курьером в одну парфюмерную фирму. Возил по Москве документы, какие-то свертки... Работа, конечно, доставляла мало радости, но в ней был андеграундный дух («Цой кочегаром работал, Майк сторожем, Мамонов лифтером, а я – курьер»), да и некий протест: все стремятся заработать, пробиться наверх, он же демонстративно не хочет этого. Точнее, конечно, хочет, но не так.

К тому же это очень напоминало фильм «Курьер», и Дробов тогда часто говорил почти с гордостью: «Я курьером работаю. Как в фильме. А вообще-то я музыкант».

После курьера (фирма закрылась, исчезла в одночасье) стал грузчиком на хлебозаводе рядом с домом, потом – грузчиком в мебельном магазине, развозчиком газеты «Из рук в руки», побыл расклейщиком объявлений недели две, снова грузчиком – в типографии на Вальной улице. Затем начался период экспедиторства...

К работе Дробов и ребята из группы (а они тоже зарабатывали на жизнь подобным образом) относились, как к чему-то вынужденному, второстепенному. Главной была группа. А она развивалась с трудом.

Три раза в неделю собирались на репетиционной базе (базы были разные, но все в подвалах, бывших котельных, на складах), арендовали на несколько часов комнату с аппаратурой за небольшую плату. Играли. Но что значит играли... С полчаса уходило на то, чтобы барабанщик прикрутил свои тарелки, установил хэт, педаль бочки, а гитаристы разобрались со шнурами, отрегулировали звук, подстроили гитары. Обязательно кто-нибудь опаздывал.

Когда все было готово, вспоминали, что делали на прошлой репетиции. И опять кто-нибудь забывал свою партию, смотрел в записанные два-три дня назад аккорды и морщил лоб: «Блин, как я это играл?» Особенно изматывали споры во время создания новой песни. У каждого были свои предпочтения, свои ориентиры.

Ударник хотел темпа «под “Эксплоитед”», басист – партий для себя «как у Лемми в “Моторхэд”», соло-гитарист настаивал на том, что играть надо, как «Дэд Кэннедис», а Дробов, ритм-гитарист, все песни хотел видеть близкими к его любимым «Студжис» (как раз тогда на фирме «Антроп» вышли две пластинки этой группы) и продвигал такой стиль – вязкий, ритмичный, с тягучими соляками... И хоть в итоге удавалось приходить к чему-то среднему, придумывать ори-

гинальные мелодии, но каждый раз этому предшествовали споры, экскурсии в историю мировой музыки, ссоры, беганье за выпивкой...

А чего стоил выбор названия для команды! Одно время репетиции как таковые вообще прекратились – сидели и предлагали слова. Сотни слов. У всех была уверенность, что без названия репетировать не имеет смысла.

Сегодня развоз товара прошел относительно быстро. Относительно большинства предыдущих развозов. К половине пятого кузов опустел, возврата просроченного пива, слава богу, не было. Правда, в двух киосках оплатили реализацию – приходилось возвращаться в контору.

– Ну что, Саш, я на метро доеду, – сказал Дробов, – а то опять по пробкам...

– Давай. – Саня явно обрадовался, он еще успевал до вечернего потока добраться до своего Жулебина. – Кстати, как, ты говорил, ту певицу зовут?

– Какую? – После возни с упаковками, накладными Дробов с трудом воспринимал что-то другое.

– Ну, утром говорили. Ты еще напел про ресницы...

– Барби.

– Гляну. В последнее время что-то тянет поностальгировать. Оказывается, было там интересное, и все эти «Комбинации» совсем по-другому слушаешь...

– Да, наверно.

Дробов сел в метро, доехал до «Авиамоторной», вручил накладные и двадцать четыре тысячи выручки Светлане. Та расписалась в получении денег, дала расписаться Дробову. Все молча. Из ушей торчали проводки.

– Что слушаешь? – спросил Дробов.

– А?.. Аудиокнигу... «Трое на четырех колесах».

– Ясно... – Дробов уважительно, но и разочарованно кивнул. Почему-то был уверен, что у нее там тоже играет что-нибудь старенькое. – А кто автор?

– А? – Светлана уже с раздражением посмотрела на него.

– Да нет, так... Я свободен?

– Да, до свидания.

Миновал проходную, кивнув коротко охраннику, но уже другому, не утрешнему. По безымянному переулку, а вернее по проезду меж заборами, пошагал к метро. Если поспешит, то доедет до дому без давки... «Черт, – тут же разозлился на себя, – только и заботы, что о том, чтобы утром проехать свободно и вечером тоже...»

Зазвонил телефон. Жена беспокоится?.. Нет, оказалось, Паша Гусь, барабанщик.

– Слушай, тут прояснилось: завтра репетиция.

– Понял. Там же?

– Ну да, там же... И подумай, чем репертуар обновить.

– Попробую.

Сунул телефон в карман и наткнулся на супермена. Так и протаскал весь день. Достал, не глядя швырнул за забор.

...Группу называли «Антидот», отточили пять композиций и записали демо. В фирме наштамповали десятка два сиди-дисков (немалых денег это тогда стоило), раздали послушать директорам клубов. Удалось выступить на нескольких сборных концертах. Приняли неплохо, хотя, в общем, всех неплохо принимали – главное, чтобы жестко было, динамично, драйвово... После концертов получали небольшой гонорар.

Потом была запись альбома. Тяжелая, долгая, мучительная. Чуть окончательно тогда не разбежались. Но – записали. Заказали обложку, отпечатали сотню экземпляров, развезли по рок-магазинам, ларькам. На продажу брали альбом неохотно, первым делом спрашивали: «А что за лейбл?» – «Сами», – поначалу гордо отвечали парни. На них смотрели с усмешкой: «И вы думаете, неизвестную группу с неизвестным лейблом будут расхватывать?» Действительно, покупали диски очень неохотно.

И, несмотря на все попытки (вялые, правда, какие-то неправильные) пробиться, обрести известность, «Антидот» оставался одной из сотен подобных групп. К тому же оказалось, что в России и мире существуют еще несколько «Антидотов»... Раза два-три в месяц играли в сборниках, пару раз удостоились сольников в клубах, но было продано всего несколько билетов, и с тех пор о сольниках речи не шло... Продолжали репетировать, делать новые песни, ругались, спорили...

В юности Дробов был уверен, что двадцать лет – это огромный срок, по существу, вся настоящая жизнь, и вообще век человека, строго говоря, делится на три части, каждая длиною по двадцать лет.

Первые двадцать – подготовка, вторые – активный период, а третьи – увядание. Представить себе человека после шестидесяти было трудно, старики казались тогдашнему Дробову не совсем уже людьми: так, ждущие смерти существа. А уж представить себе рокера-долгожителя было вообще невозможно.

Начиная заниматься музыкой, Дробов посмеивался над стартовавшим как раз в то время парадом юбилеев: двадцатилетие «Машины времени», «Аквариума», десятилетие «ДДТ», «Центра», «Пикника», «Звуков Му», «Наутилуса», «Крематория», «Алисы», «Брава», «Коррозии металла», «Гражданской Обороны»... «Монстры, блин. Настоящие года за три успевали встряхнуть болото, а эти...»

А как получилось у них? Вот и их группе двадцать лет. И что? Ничего не встряхнули, так, повибрировали в болотной жиже, замирая на долгие месяцы... Хм, месяцы долгие, а двадцать лет пролетели стремительно. Что запомнилось, что можно выудить? Даже не из скудной истории группы, а вообще из его этой, как он когда-то считал, настоящей жизни?

Не забывалось, как в последний раз насели родители, чтобы куда-нибудь поступил. Дробову тогда было двадцать шесть. «Хватит уже болтаться! – необычно для себя жестко

говорила мама. – Пора серьезную специальность иметь!» Он тогда и сам подумывал об этом – без образования ему действительно мало что светило. Но как это – учиться вместе с семнадцатилетними? Стыдно уже... И, в общем, не стал никуда поступать.

Что еще? Еще – встреча с будущей женой. Познакомились на концерте группы «Крематорий». Хороший был концерт, в основном звучали старые песни. Армен Григорян грустно исполнял энергичную вообще-то тему:

И у Тани на стене нарисовал я облака
И слона с ослом, летящих в никуда,
И она ложилась спать, схватив слона за крыла,
А просыпалась с хвостом осла.

Девушка рядом с Дробовым подпевала, и когда песня кончилась, он спросил:

– А вас не Таня зовут?

– Нет, Наталья. И я еще жива. – У песни был припев: «Жаль, что она умерла».

– Извини, – кивнул Дробов, – но Таня, судя по всему, была классной... Может, выпьем что-нибудь?

За их спиной был бар. Девушка легко согласилась:

– Давай. Только узнаем, какая следующая будет... «Мусорный ветер» послушать хочу.

Следующей песней был не «Мусорный ветер», и они пошли к бару.

– Я первый раз на «Крематории», – сказал Дробов, – хотя воспоминания у меня с ним очень мощные связаны.

– Какие?

– Я с билетом на него в армию уходил. До последнего надеялся, что отправку перенесут и схожу... А довелось только теперь.

– Ты в армии был? – Наталья посмотрела на него с интересом.

– Ну да.

– А откуда приехал?

– Куда?

– Сюда, в Москву.

– Хм, с Большого Тишинского переулка.

– Москвич... Не похож.

– А ты?..

– Я с «Полежаевской».

– Ничего себе! Почти, получается, соседи.

После этого стали встречаться. Дробов подарил ей диск с песнями своей группы (сам сделал сборник из не очень матерных и примитивных), Наташе понравилось...

Как поначалу она не поверила, что Дробов москвич, так и он не верил, что она родилась и прожила свои двадцать шесть лет в столице. Нетипичная москвичка. Хотя... Хотя их очень много, таких нетипичных, просто ведут незаметный образ жизни. Словно прячутся от этого круглосуточного шума, суетни, битв за деньги, за славу...

Окончила после школы бухгалтерские курсы, работала в одном научно-популярном журнале, который когда-то, в советское время, пользовался спросом, а теперь... Около пяти сот подписчиков, около тысячи покупателей.

Когда Дробов впервые побывал в их редакции на Новой Басманной, просто глазам не поверил: показалось, что попал в декорации фильма о глухом застое. Громоздкие толсто-стенные шкафы с какими-то пыльными книгами, подшивками; скрипучий шевелящийся паркет под ногами, фанерная обшивка на стенах, все покрыто потемневшим лаком. В кабинетах большие столы, тяжеленные стулья, которые женщины с одного места на другое не переносили, а перетаскивали. И хоть в то время уже стояли компьютеры, но на сейфах, шкафах, на широких подоконниках – как какой-то ветеранский резерв – пишушие машинки...

Люди в этом здании были тоже словно из прошлого, проводили рабочий день неспешно, в полусне, с постоянным жиденьким чаем, печеньками, ленивыми разговорами... Дробову опять вспомнился фильм «Курьер». И, наверное, таких заповедников по Москве еще оставались сотни и сотни, а может, и в свежих офисах создавалось, устанавливалось нечто подобное.

Наталья жила без больших запросов, претензий, и Дробова это, особенно в начале отношений, раздражало – симпатичная, неглупая девушка, а живет так тихо и скромно, будто ей кто-то когда-то напроорочил, что никуда никогда она не

пробьется, ничего не достигнет, а если не поверит и сунется в московский водоворот, то потеряет то немногое, что имеет. И замуж за Дробова она вышла, кажется, не по любви, а так – встретился подходящий парень, не алкаш, не подонок какой-нибудь, москвич. Подходит, можно связать с ним жизнь.

Но теперь, после двенадцати лет вместе, ее ровность, скромность очень Дробову нравились и только укрепляли семью. Домой он ехал без боязни нарваться на скандал, проблемы почти всегда решались спокойно... Удивительно, у него за эти годы ни разу не возникало желания другой женщины, хотя в юности был уверен, что их будут десятки, сотни. Для этого, считал, только и стоит жить – секс, рок-н-ролл, ну и легкие наркотики бы неплохо... Смешно, конечно, вспоминать об этих принципах, но, наверное, подобное – по крайней мере, желание обладать женщинами, – многих и толкает лезть на олимп.

У Дробова не получилось. Обыкновенная жизнь обыкновенного человека: любимая и убаюкивающая своим спокойствием жена, послушная дочка, сносная работа. Есть и хобби, и одновременно средство для подработки – гитара.

Открыл дверь. В нос ударил запах жареного мяса, и Дробов сразу и резко почувствовал, что очень голоден – за весь день съел один беляш.

– Привет, – сказала Наталья, появившись из их комнаты. С легкой улыбкой подошла, подставила щеку, Дробов поце-

ловал. – Раздевайся, ужин готов.

– Да...

– Пап, приве-ет! – как-то, как в детстве, подбежала дочка, прижалась. – Игрушки отдал?

– Отдал. Хорошей женщине. У нее сын и дочка, – и глянул на жену, не кольнула ли ее эта «хорошая женщина».

Нет, Наталья ответила заговорщицким кивком: «Хорошо, правильно сказал».

Дочка облегченно выдохнула:

– Пусть играют.

Потом ужинали. Бубнило радио из старенькой магнитолы «Томь», Дробов не слушал, ел напряженно.

– Проголодался... – с сочувствием отметила жена. – Нормально все на работе?

Когда-то она спрашивала: «Как дела на работе?» – и Дробову приходилось вымученно отвечать: «Нормально... Все нормально». Теперь можно даже не говорить ничего, а просто головой покачать.

Но молчать нехорошо, и Дробов интересуется:

– А у тебя?

– По-прежнему. Слава богу... Сегодня пораньше приехала, сходили с Настей купили колготки, для школы разное...

– Да, через три дня в пятый класс, – поддерживает Дробов и спохватывается: – А в этом году первое сентября в субботу же...

– Будет линейка, урок-знакомство...

– А потом мы в кино собрались, – добавляет Настя.

– Ясно... Вечером можно в суши сходить. – Дробов ото-двинул тарелку, потянулся к заварному чайничку. – У нас репетиция завтра. Паша звонил.

– М-м! – оживилась жена. – Возобновляете?

– Да вроде. Новые песни подкопились, надо посмотреть, как что. Может, – старался говорить так, чтобы у жены не возникло сомнения, – может, и альбом запишем. Попробуем...

После ужина дочка ушла к себе, а Дробов с Натальей к себе. Устроились на диване перед телевизором.

Смотреть, как обычно, было нечего. Десятка два каналов, но, оказавшись на любом из них, сразу тянуло переключить. Какие-то фильмы на середине, ток-шоу, больше похожие на ругачку, реклама, реклама, гон о летающих тарелках, мультики, клипы...

Дробов задержался на Наташе Королевой. Она пела старую песню про маленькую страну... В первый раз Дробов увидел Королеву в армии – по воскресеньям вечерами свободным от нарядов разрешали смотреть телик, и во время этих просмотров обязательно на экране появлялась новая, жутко модная тогда, а главное, по-настоящему юная певица – Наташа Королева. И пела так, что солдаты стонали: «Почему умирает любовь? Мне никто никогда не ответит...»

Это был то ли самый конец девяностого, то ли начало девяносто первого. Свежие лица на эстраде были еще редко-

стью – в основном продолжали петь всякие Софии Ротару, Людмилы Сенчины, Аллы Пугачевы, старавшиеся выглядеть по-современному, – и парни гадали, на самом ли деле эта Наташа Королева такая уж молодая, из народа, или стояла где-нибудь десять лет на подпевках и теперь дождалась своего часа... Гадания происходили после отбоя, быстро перетекали в признания, что вот бы эту Наташу сюда – мягонькую, уютную, или лучше жениться на такой девчонке, уже наверняка при деньгах... Наташа Королева была предметом и дробовских солдатских фантазий.

Сейчас ей наверняка лет сорок. То исчезает из телевизора, то появляется. Где-то читал, что у нее свои магазины, замужем за популярным стриптизером Тарзаном, который тоже мелькает в телике... В общем, держится на плаву, в поле зрения. Как и большинство подобных ей эстрадниц и эстрадников, появившихся в начале девяностых. Кто там еще был из новых? Ветлицкая, конечно, – у этой действительно голос потрясающий, песни качественные, клипы стильные, фантастические просто для того времени... Алена Апина, Татьяна Овсиенко, Лика Эм-Си... Хм, или Лика Стар?.. Лада Дэнс... А кто пел энергично: «Дави на газ! Все будет джаз, все будет джаз»? Лика Стар, кажется...

– Переключи, – с легким раздражением попросила жена.

Дробов очнулся. На экране танцевали длинноногие поджарые девушки, а огромный бессмертный Шуфутинский скуп, как одолжение, выпускал изо рта в микрофон слова:

Так лучше веселиться, чем работать,
Так лучше водку пить, чем воевать.
И вспоминать за мамины заботы,
И белые костюмы одевать.

Дробов испуганно ткнул пальцем в кнопку.

– Хм, не замечала, что тебя на попсу потянуло, – усмехнулась Наталья.

– Да это я так... задумался, – и он снова стал путешествовать по каналам.

Малахов что-то выпрашивает у заплаканной женщины... реклама «Тайда»... реклама «Мегафона»... тайны египетских пирамид...

– Пойду в компьютере посижу, – сказал Дробов. – Надо на завтрашнюю репу настроиться.

– Конечно, Алеш, – и жена погладила его по руке.

Компьютер у них был один. Стоял в комнате дочки – отдельный стол, не замусоренный бумажками, безделушками. Наталья, испытывающая уважение к любой электронике, очень заботилась о стиральной машине, холодильнике, телевизоре, ди-ви-ди и, конечно, о компьютере. Стол с программным блоком в специальной ячейке, монитором, клавиатурой, решетками для дисков вообще выглядел, как некое домашнее животное из фильма про будущее...

– Настя, – заглянул Дробов в комнату, дочка как раз сидела за столом, – ты мне уступишь на часок?

– Сейчас доиграю...

– Давай. Позовешь.

– Угу.

Дробов прошел на кухню, налил себе с полчашки чаю. Встал у окна. Начинало темнеть, во дворе за тополями играли дети, дальше серели гаражи-ракушки, которые уже года два как обещали снести...

Они жили недалеко от метро «Профсоюзная». Панельный девятиэтажный дом, неподалеку маленький парк, пруд... Когда родственники узнали, что Алексей и Наталья решили пожениться, естественно, возникло беспокойство, где они будут жить. У ее родителей двушка, у его – тоже. Денег, чтобы снимать отдельное жилье, не было. И тут двоюродная сестра Натальи, которая к тому времени лет пять жила в Германии, объявила, что отдает свою московскую квартиру молодым в бесплатную аренду. Сама разобралась с тогдашними жильцами, и после свадьбы Дробов с женой въехали сюда, с тех пор здесь и живут. Уже второе десятилетие.

Дробов благодарен Наташиной сестре. Во многом, наверное, благодаря ей семья у них сохранилась: невозможно представить, как бы они жили или с ее родителями, или с его... Вон этот идиотский вроде бы, но вообще-то достоверный сериал «Вороны» наглядно демонстрирует, каково оно, житье в семейной коммуналке... Жуть и бред... Да, благодарен. Но тревога постоянно появляется, теребит, щиплет: а если сестра решит вернуться, или деньги понадобятся,

или, не дай бог, умрет... А аренда двушки сейчас – тысяча долларов самое-самое малое... В общем, в подвешенном состоянии они все это время. И ведь, интересно, за двенадцать лет не прошло это ощущение.

– Пап, свободно! – позвала дочка и попросила, когда он усаживался перед монитором: – Только не очень долго, ладно? А то я уровень до конца не прошла... сохранилась... А потом уже спать.

– Ладно, постараюсь.

– А что ты будешь смотреть?

– Так... – Дробов и сам толком не знал. – По работе надо.

– Насчет пива?

– Нет, по другой, по музыкальной. Почитай пока, или с мамой... Нельзя быть зависимой от компьютера. – И подумал: «Пора дешевенький ноутбук купить. Так вот просить каждый раз...»

Было время, они с женой почти каждый день заходили в видеопрокат, брали фильмы и вечером смотрели. Ужастики, комедии, мелодрамы хорошие, катастрофы... А потом повсюду появился интернет, набитый всевозможным кино, и видеопрокат исчез. И почему-то эти вечерние сеансы у них прекратились. А ведь куда проще – включил комп, нашел подходящую киношку и смотри...

Сначала, традиционно, набрал в интернете «Stooges» – название любимой рок-группы. Может, что новенькое о ней

появилось... Впрочем, что может появиться после смерти гитариста Рона Эштона?.. Теперь уж точно – история. Скоро и лидер группы Игги Поп уйдет в мир иной или хотя бы на покой. Ушли на покой и Боб Дилан, и Дэвид Боуи...

В девяносто втором (или третьем, теперь уже точно не установишь) звукорежиссер Андрей Тропило взял и выпустил две пластинки «Студжис». Это было удивительно – никто, казалось, не знал, что это за группа, и мало ли этих ныне прочно забытых групп существовало в шестидесятые – семидесятые... Ну купят сотенку экземпляров... Может, и действительно мало купили, и Тропило прогорел в коммерческом плане с этими пластинками, но число поклонников давно распавшихся «Студжис» именно в начале девяностых стало расти. Причем не только в России.

Лет десять назад «Студжис» собрались снова, записали новый альбом, много гастролировали, побывали в Москве. Дробов с женой ходили...

Да, новостей почти не было. Вот Элис Купер советует молодым музыкантам слушать «Студжис», «Ху», ранних «Роллинг Стоунз» и быть безбашенными рок-н-рольщиками... Дизайнер Джон Варватос включил песню «Студжис» «Down on the Street» в число пяти главных рок-треков всех времен... О «Студжис» вспомнили на вечере памяти Джонни Рамоне...

Дробов изучал ссылки на группу «Студжис», а в голове продолжало вертеться неожиданно вспомнившееся «Дави на

газ!...». Кто же ее все-таки пел?

Нет, оказывается, не Лика Стар, а Светлана Владимирская. Нашел даже клип девяносто четвертого года. В белом кружевном костюмчике, коротко стриженная, рубит, мечась по сцене: «Вперед, машина любви! Дави на газ! Давай, мой мальчик, дави на газ!»

Да, песню помнит, а певицу – нет.

И где ты теперь, Светлана Владимирская?

К своему удивлению, тут же обнаружил статью о ней в «Википедии». Родилась в шестьдесят восьмом в Люберцах, окончила музучилище, стала солисткой группы «Клеопатра», потом начала сольную карьеру. В девяносто четвертом была признана певицей года. «После взлета своей популярности, в 1998 году, певица неожиданно уехала вместе со своим мужем в Красноярский край, в деревню Черемшанка. По телеканалу ОРТ показывали, что она была в общине Виссарiona. Затем певица вернулась в шоу-бизнес в 2004 году». Да, два альбома с тех пор записала...

А Лика Стар?

Лика Стар («Лика Павлова, родилась в 1973 году»), оказывается, первая российская рэперша, «в начале 2000-х переехала в Италию, где ее супругом стал дизайнер и владелец мебельной сети Анджело Сечи».

Еще такая Линда была. Причитала: «Я ворона, я ворона»... Ну, она до сих пор довольно активна, в определенных кругах известна и почитаема. «С 2008 года и по сегодняш-

ний момент живет в Греции, выступает в дуэте с мужем Стефаносом Корколисом».

Так, ладно, у этих более или менее, но жизнь сложилась. А вот Барби... Хм, для этого ведь, скрывая и от себя самого, сел за компьютер. Чтобы узнать, что с ней, куда пропала. Может, она вообще ему приснилась, и песня эта про ресницы – тоже... Вот бы, действительно, придумать во сне такой хит, пусть попсовый, но который закрутится на языке у тысяч, и – прославиться.

Как набрать в поисковике? Набрал просто «Барби», и, конечно, выскочили ссылки на куклу. Покрутил ролик мышки – о певице ничего. Игрушка, коллекции, игры... Да, надо добавить «певица». И тут компьютер сам дополнил «Барби певица» именем и фамилией «Марина Волкова».

Марина Волкова... Двадцать лет назад то, как на самом деле зовут певицу, тщательно скрывалось. Дескать, просто Барби – такая вот девочка из сказки, поющая сказочные песни. Ну, не сказочные, но уж точно не обычные.

Дробов нажал «найти», и вот появились ссылки, выстроились сверху вниз, заголовками требуя, чтобы их скорее открыли: «Барби – Азбука любви (1992) Лучшая и разная музыка», «Дискотека 80-х. Если кому-то безразлична судьба певицы Барби...», «Жизнь: Потеря популярности оборачивается депрессией».

Открыл одну из ссылок. Побежал взглядом по строчкам: «В детстве я как-то увидел симпатичную девочку во всем ро-

зовом, распеваящую РЭП (нынче хип-хопом зовется). Помню, я дико фанател от нее. Потом она куда-то исчезла.

Некоторое время назад я задался целью найти хоть видео из той передачи. Но так и не нашел. И вот, буквально вчера ночью я выцепил-таки на ютубе ее видео».

Ниже был экранчик. Дробов нажал на плей. На экранчике появилась рябь, а поверх нее надпись: «Азбука Любви – “Красишь ты ресницы”. Аккаунт You Tube, связанный с этим видео, удален за неоднократное нарушение авторских прав».

– Ясно, – Дробов крутанул ролик. Стал читать комментарии пятилетней давности.

«Надо же, я эту песню обожала. Ходила, распевала с подружками. На магнитофон с телевизора записала. Удивительно – никакой ностальгии, одно отвращение».

«Через какое же вы отвращение прошли, что напевали ее:)) вот только один раз ее увидел по телику, но почему-то запомнилась. Она мне внешне понравилась тогда:))) хоть я и мал был».

«Очень хорошо помню и девушку, и песню. Фанатеть не фанатела, но был период, когда это нравилось. Сейчас смешно...»

«Сейчас многое уже смешно:)».

В комнату вошла дочка. Остановилась у двери и, Дробов почувствовал, стала смотреть на него, безмолвно требуя заканчивать.

– Сейчас, Насть.

– Уже десять почти...

– Пять минут.

Дочка ушла.

«И я, и я ее помню!!:))) Мне тогда вообще лет 5–6 было:) Кажется, мне даже нравилось:))) Помню, была у нее еще песня про “часики с кукушкой” или что-то вроде этого. Помню еще, в те времена кукла Барби была предметом вожделения каждой советской девочки (хотя тогда уже не советской:)) и я не была исключением:) В какой-то передаче (может, Марафон-15) она рассказывала про то, что у нее есть настоящая кукла Барби, вместе с розовым магнитофоном, и даже показывала ее, кажется. Я уже всего не помню, но отлично помню, что это произвело на мою детскую впечатлительную натуру просто невообразимый эффект:))))».

«Я ее так безумно любила, эту Барби!

Моя певица эта Барби,

Она живет в Москве,

Она прекрасна как цветок,

Как роза в хрустале!!!

Даже стихи писала про нее... мне было лет 12–13... Боже мой, просто супер воспоминания! И как время идет! “Азбука любви” еще была на аудиокассетах!!!

Газета МК в те времена много о ней писала!!!»

«Запомнилась мне эта девушка. Песни были исключительно о любви, с чем у Марины так ничего и не сложилось. А я вот ей не любовь хочу предложить, а нечто большее – всю

Вселенную. Короче, если Марина жива, зовите ее ко мне».
«Да она в Свиблово живет.))) Пьяница.)))»
«Пьяница... Не спешите осуждать. Не знаете, в какой ситуации сами завтра окажетесь».

«Да... а. Помню, будучи подростком, тоже грезил о ней. Жаль, очень жаль, что жизнь у нее не сложилась. Вспоминаю, и слезы на глаза наворачиваются».

«Сию на работе, и вот совершенно ни с того ни с сего начала напевать “Красишь ты ресницы...” Зашла в поиск, набрала “певица Барби”, и вот те на! Ваша переписка. Жалко девочку».

«А вот если предложить ей попеть? Могу предоставить в распоряжение Марины Волковой кое-что из моего материала, который по разным причинам был забракован участниками нашей группы».

Дальше – ничего. Конец комментариям...

Утром, как обычно, был торопливый завтрак, почти час в метро, недовольная Света, склад, грузчики...

Дробов знал, конечно, что грузчики ночуют не здесь, что у них есть квартиры, семьи, но каждый раз, когда видел их, вялых, хмурых, в одной и той же робе, ему казалось, что вот так они и проводят всю жизнь – здесь, за забором, на складе, сидя или лежа на старых поддонах. Что ничего у них нет, никаких занятий, кроме разгрузки прибывающих тонаров и загрузки отбывающих «Газелей» и «бычков»... Но, может,

и он, Дробов, представляется им таким же, занятым лишь одним делом – развозом пива.

Да, так мы, в основном, друг друга и представляем. Не люди, а... как там?.. функции.

Дробов думал о вечерней репетиции. Совсем не та это будет репетиция, какую представляет жена, какой бы хотелось ему самому. Не материал для нового альбома они вечером будут нарабатывать. И, лежа вчера вечером рядом с Натальей, после того как почитал про Барби, он хотел признаться, что за деньги приносит время от времени сверх зарплаты, туманно поясняя: премия, временное повышение... Готов был, но не смог. Не из-за боязни упреков, что, типа, а почему раньше не сказал... Нет, вряд ли она будет что-нибудь говорить такое. Удержало другое – стыдно было сказать, какие песни их группа уже года три поигрывает в клубе «Одна шестая».

Клуб был стилизован под ресторан советского времени, и живой звук там был соответствующий: иногда выступали известные в прошлом певцы и певицы, группы, популярные лет тридцать назад, а нынче играющие на корпоративах или на таких вот площадках, а когда никого более или менее именитого арт-директору отыскать не удавалось, звали группу «Антидот».

И одно дело, если бы исполняли свой репертуар или хотя бы близкие по духу песни... Попытки поначалу были.

– В Советском Союзе панк-рок неплохо знали, – помнит-

ся, доказывал барабанщик Паша Гусь, знакомый с арт-директором «Одной шестой». – Записи «Пистолетов» ходили, «Клэш»...

– Игги Поп еще в семьдесят пятом в Москве побывал, – вставил Дробов.

– Да? – арт-директор заинтересовался. – И что, концерт дал?

– Нет, конечно... Туристом.

– Ну, туристом! Туристом к нам и Прабхупада приезжал. Мало ли кто... Нет, ребята, беру вас на своих условиях...

Главным условием было исполнение песен советского периода. Точнее, семидесятых – начала девяностых годов.

– Без глубокого андеграунда, – уточнил арт-директор. – Лоза с «Примусом» – самый край. Можете аранжировать поживее, но, ясно, не до панка. Нельзя ломать имидж клуба.

– А слова можно переделывать? – спросил Макс, басист.

– Как?

Макс вдруг запел жалобным голосом:

Плачет девочка с автоматом —

Больше некого убивать.

Вся в слезах и губной помаде,

Ох, как хочется постреля-ать.

– Не стоит, – серьезно ответил арт-директор. – В общем, определяйтесь.

После этого парни зашли в кафешку, взяли водки и стали

спорить.

Спор был острее и ожесточеннее, чем раньше, когда пытались решить, как будет звучать новая композиция... И спорить тем более было неприятно, тяжело, что все понимали: ничего нового в результате не появится.

Правда, поначалу общались довольно спокойно.

– Понимаете, – говорил Паша, – хоть какая-то реальная деятельность. Реальные башли зарабатывать будем.

– Ну, блин, зарабатывать можно и в офисе, – буркнул Максим.

Дробов на эти слова усмехнулся:

– Кто нас в офис возьмет? Там уметь что-нибудь надо.

Получилось, что этими словами он поддержал Пашу. Тот воодушевился:

– Вот-вот! Сколько лет перебиваемся, а тут будет хоть чем за студию платить.

– Но ведь... – включился в разговор Андрей, соло-гитарист, основной вокалист и по факту лидер группы, – но ведь это предательство.

Паша вскипел:

– Кто кого предает? Кто?!

– Мы все.

– В смысле?

– Если мы начнем попсу лабать, мы предадим свою музыку. То, чем пятнадцать... двадцать лет почти жили.

– Да почему! Разучим несколько песен, будем исполнять

их раза три в месяц, получать за это гонорар. А остальное время – наше.

Дробов опять усмехнулся:

– Все попсари с этого начинали.

Паша грустно на него посмотрел:

– Нам уже поздно попсарями становиться. Вообще хоть кем... Графов Монте-Кристо из нас не вышло.

– Что? – наморщил лоб простоватый Макс.

– Он имеет в виду, что панк-рокерами мы не стали... Но предавать свою музыку я лично не буду.

– Андрюх, никто ничего не предает! – зло выкрикнул Паша и сразу потух. – Ладно, я вам предложил подработку. Подработку, в принципе, по специальности. Нет – так нет. Но продолжать быть таким в тридцать шесть лет я лично, – он выделил слово «лично» и глянул на Андрея, – уже не могу. Я хочу сцену, хоть такую, как в «Одной шестой», хочу играть, получать за свою игру пусть символизм, но – получать... Ребята, нам скоро сороковник! Три альбома, четыре десятка сборных концертов, где нас не отличали от остальных, тысяча, или сколько там, реп на голимых студиях, и это все?! Я не могу так дальше, и я готов уйти, если мы будем продолжать только так...

Тут, по сути, и начался спор. С обвинениями, старыми обидами, посыланием... К Паше присоединился Макс (так сказать, ритм-секционная спайка), Андрей был настроен категорически против исполнения эстрадного ретро, а Дробов

до поры до времени сдержанно присоединился к Андрею. Просто не мог представить, что играет что-нибудь вроде «На недельку до второго...».

Но неожиданно, на самом пике спора, ему в голову вломился вопрос, вломился и уже не исчезал: «А что, действительно, мы теряем, часа по три несколько раз в месяц играя не то, что хотим?» К тому же у Игги Попа, «Рамонез», даже у «Эксплоитед» с «Дэд Кэннэдиз» были вполне лирические песни, почти попсовые. Ничего, наверное, страшного... И деньги, конечно... Прав Паша: хоть бы и символически, но очень хочется получать за свою игру. И он склонился на сторону Паши и Макса...

Андрей убежал тогда из кафе в бешенстве, бросив на стол голубовато-белую тысячерублевку, хотя выпили и съели все вместе от силы на семьсот. Но эта тысяча была как некий знак, что на деньги ему, Андрею, плевать... Оставшиеся посидели молча, потом вымученно договорились как-нибудь созвониться и разошлись. Ощущение было, что навсегда.

Первым Дробову, на следующий день, позвонил Андрей и спросил почти с ненавистью, какой-то юношеской ненавистью:

– Ты на самом деле решил играть попсу?

Дробов не знал, что ответить. Точнее – как. Было ощущение, что если скажет: «Да, на самом деле», – Андрей, с которым они столько лет сочиняли забойные песни, улыбками хвалили друг друга, когда у одного получалась удачная мело-

дия, а у другого выходил пронзительный соляк, с кем много всего пережили, скажет то последнее слово, после которого невозможно станет ни играть, ни разговаривать, или просто бросит трубку, что хуже самого обидного оскорбления.

– Я... – Дробов кашлянул. – По крайней мере, я хочу попробовать. В любой момент мы можем прекратить.

– Ха-ха! Ты говоришь, как начинающий наркот из советских фильмов! – неожиданно развеселился Андрей. – Ладно, давайте попробуем.

Быстро нашли бесхозного – без группы – клавишника по имени Игорь. Стали отбирать песни, и тут возник вопрос о вокалистке. Арт-директор «Одной шестой» сказал, что она необходима.

– Пусть не каждую песню поет, но женский пол должен быть на сцене – охват аудитории... Только она должна быть тоже не девочкой. Понимаете, о чем я?

Арт-директору было лет двадцать пять, и своей уверенностью, начальственностью он жутко, до покалывания в скулах раздражал.

Андрей вспомнил, что, когда они репетировали на базе в Дорогомилове (неплохая, кстати, база, и вид на небоскребы Москва-Сити вдохновлял на более жесткую музыку), там болталась одна неприкаянная особа лет за тридцать. Вроде как пела когда-то в фолк-группе, но группа развалилась, а она по привычке приходила к звукорежиссеру базы, пила с ним чай или вино, мечтала о новой группе, будущих альбо-

мах, концертах, о славе. «Я же раньше Хелависы начала то же самое!..» – слышалось иногда ее обидчиво-досадливое. Однажды парни услышали, как она поет – неплохой оказался голос; внешне тоже была вполне подходящей.

Отправились на базу. Особа, ее звали Ольга, оказалась там – «Вот видите, как нам катит!» – шепотом обрадовался Паша Гусь, – за десять минут уговорили участвовать.

– Практика нужна, – сказала Ольга больше себе, чем им и другу-звукорежиссеру, – пускай и такая. Вперед, орлы!

И началось мучительное составление репертуара, а затем еще более мучительные репетиции. Играть эстрадные мелодии было не только противно и скучно, но и сложно – оказалось, что это совсем другая музыка, требующая другой техники. Пальцы на левой руке ломило от непривычных аккордов, голова была набита тяжелыми, как лишние мысли, чуждыми звуками.

Но так или иначе наиграли дюжину подходящих тем, выступили в «Одной шестой» и имели успех. Их, конечно, не очень внимательно слушали (это было нечто вроде ресторана – стояли столики, мельтешили официантки, одетые, как Гурченко в «Вокзале для двоих»), не слишком бурно хлопали, не кричали «бис», но все-таки... На другой день Паша Гусь раздал участникам по две тысячи рублей.

– Дальше будет больше, – пообещал, – это пробник был, без афиши...

И вот три года группа «Антидот» периодически выступает

в этом клубе.

Два последних месяца «Одна шестая» была на ремонте, но вот их снова призвали. Немного порепетируют, вспомнят, сыграются, разучат несколько новых для себя вещей, и по-несется очередной сезон.

Ездили сегодня много и далеко – по Северо-Западному округу. Дробова тянуло спросить Саню, посмотрел ли он вечером что-нибудь про Барби, может, нашел ее песни, но Саня был таким сумрачным, надутым, что, казалось, любой вопрос может его взорвать.

И все-таки, уже когда возвращались на склад с коробками просроченных «Хайнекена» и «Стеллы Артуа», Дробов все-таки не выдержал.

– Да какое там... Разве с этой семьей что-то согласишься? Вообще что-нибудь сделаешь?... Только вошел – сразу надо то-то, то-то и то-то. «Офигеть, – говорю, – я целый день за рулем по этим пробкам». – «Нет, надо срочно, давай».

Дробов поежился: ну вот, очень приятное окончание смены. Теперь сиди и выслушивай. И Саня продолжал изливать свою горечь, правда, в неожиданном направлении:

– Вот правильно у Толстого написано: не женись до тех пор, пока не сделаешь все, что мог, а то истратишься по мелочам. Правильно ведь? – Заметив в глазах Дробова изумление, водила объяснил слегка смущенно: – Ну, в школе же проходили «Войну и мир»... Хе, честолюбивые мысли Ан-

дрея Болконского.

– Ну да... А ты кем хотел стать?

Спросив об этом, Дробов испугался возможного ответа – «музыкантом». И что тогда? Два несбывшихся музыканта в одной кабине...

– Рисовал неплохо, художку окончил, – пробурчал Саня, рывком переключил скорость. – Приехал сюда в Суриковку поступать, и вот...

– И что?

– Ну, с первого раза не поступил, потом армия, а потом снова приехал... женился... Еще до армии познакомились.

– Ясно... А ты откуда?

– Череповец.

Задавать следующий вопрос было неловко. «Как допрос какой-то».

Проехали в молчании минут пять, и Дробов произнес:

– А жена откуда?

– Да местная. С азээлка. То есть жила в том районе, родители на заводе всю жизнь отработали... Пенсионеры. Потом нас всех в Жулебино переселили. Округ-то один, а оказались на задворках...

– И как, больше не пытался поступать?

– Да так... Все как-то не так получилось... В армии в клуб просился, но из художников целая очередь была... Научился баранку крутить – парни научили. Права уже потом получил. И с тех пор вот кручу. То так, а в выходные по объявлениям

грузы вожу. Часа нет, чтоб просто посидеть... Жена еще... Дому десяти лет нету, а все течет, кафель падает, обои сползают... Дача разваливается... И все на мне. Как белка...

– М-да.

– Вот и «м-да», – буркнул Саня.

Дробову самому были противны эти «м-да», «ясно», «ну да», но как еще реагировать, он не знал, не умел иначе. И неожиданно сам стал жаловаться:

– У меня тоже почти так же. Музыкой всерьез занимался, думал, это дело жизни. Каждый день играл, кипел весь...

– А теперь?

– Теперь... Теперь – время от времени.

– Короче, смог без этого жить, – покривил губы Саня. – Я тоже смог. Только разве это жизнь? – И самому себе ответил: – Ну, жизнь, конечно, даже не без некоторых удовольствий. Непонятно только зачем... В последнее время, когда удастся одному остаться, лечь на тахту перед теликом с бутылкой пива – прямо счастье чувствую. Дышать аж легче... Самому мерзко.

– А дети есть? – пришел Дробову спасительный больше для себя, чем для Сани вопрос; показалось, что если не задаст его, в чем-то увязнет, утонет, захлебнется.

– Да есть. Дети есть – дочка и сын. Дочке пятнадцать уже. Совсем отдельно живет, хотя и с нами, ясно. Куда тут... Вше-стером в трех комнатах. Летом более-менее – женины родители на даче в основном... Но осень скоро, вернутся... –

Саня говорил отрывисто, малосвязно, как говорят люди, у которых внутри клокочет и рвется, и стоило бы кричать, а они стараются выстраивать ровными фразами понятный рассказ. – Но все равно теснотища. И дочка себе угол отгородила... Я отгородил, конечно, но по ее требованию... И в основном – там. Даже поесть со всеми не заставишь... И где уж тут что... Этюдник стоит за комодом, да, наверно, краски в камень превратились... Нет, с этим все. С этим, – повторил Саня, почти рыданув, – все-о!

– Да ладно, Саш, на пенсию выйдем и такого зададим. Ты в живописи, я в музыке.

– Да? – Саня оторвался от дороги, коротко, но цепко глянул на Дробова. – А будет она?

– Что?

– Пенсия... Ты в штате?

– Нет, на договоре.

– И я. И какая пенсия?.. Не-ет, мы так до конца.

Дробов поежился. Увиделось – Саня выкрикивает: «Да пошло оно все!» – и направляет машину в столб или в стену, во встречный поток...

Доехали молча, как-то отдельно, будто кабину «бычка» разрезала стеклянная звуконепроницаемая перегородка.

Дробов сдал просроченное пиво, отнес Свете накладные. Когда вернулся к складу, машины Сани уже не было. Колыхнулась обида – обычно Саня подбрасывал его до метро или хотя бы предлагал, – но досаду быстро сменило облегчение.

Эти откровения еще хуже, чем ношение в себе груза обид и прочего негатива. Лучше уж так, отдельно, молча, по делу... Неформальные отношения на работе, где-то когда-то услышал, самое опасное дело. Видимо, верно.

Почти бегом до «Авиамоторной», полчаса в метро, заскочил домой за гитарой, снова рысцой к станции, снова метро, и быстрым шагом к базе... То и дело доставал мобильник, смотрел время. Видел, что уже серьезно опаздывает, правда, почти все опаздывают. У всех работа, дела.

Вспомнил, что родителям не позвонил. Обещал приехать сегодня – о репетиции тогда не знал... Мать просила... Надо хотя бы позвонить... Отец опять рвется на родину. Раз в три года у него эти приступы – отправиться в Свестур.

«Ну куда ты там? – плачуще отговаривает мама. – К кому? Никого ведь не осталось. И как ехать? Как туда ехать теперь?»

Отец давно и тяжело болеет, даже непонятно, чем именно – то сердце, то давление, то ноги, желудок... Это старость, и не по годам старость – ему всего-то шестьдесят семь, многие и куда старше активны и энергичны, – а старость по износу. Работал всю жизнь, и вот исчерпал ресурсы до дна... Да, всю жизнь работал – строил дома – и к шестидесяти стал бессильным, погасшим, именно что пенсионером. Из подъезда в последнее время еле выбирается, посидит на лавке – и потихоньку обратно.

Окончив в Рязани училище, отец приехал в Москву, стал работать каменщиком. Три года прослужил в армии. После нее вернулся в свою бригаду; встретил будущую жену, тоже приехавшую в столицу из глубины страны – из Саратовской области. Года через три после знакомства решили пожениться, в апреле семьдесят второго появился он, Алексей Дробов. Вскоре их семье дали двухкомнатную квартиру в новеньком тогда доме в Большом Тишинском переулке.

На родине мамы Дробов никогда не бывал, а Свестур запомнил. Точнее, помнил эпизоды – как подлетают к райцентру Ермишу на самолетике, и в тесном салоне, забитом не только пассажирами, но и мешками, коробками, возникает радостное оживление. Радостное и тревожное – «сесть бы»; слышится шелест молитвы... Дорога от Ермиша в Свестур была узенькая, автобус, пахнувший кожей и пылью, надсадно гудел, качаясь, как лодка... Запомнились избушки с темными кружевами наличников, куры у хлипких, ни от кого не защищающих заборов, бабушка, тихая, худая, тоже темная, что-то все, казалось, готовившаяся поведать ему, внуку, но так и не решившаяся...

Дробову было лет двенадцать, когда ему сказали, что бабушки больше нет. Отец отправился на похороны один, а потом вроде бы совсем забыл о родине. И теперь только, под конец жизни, вспомнил. Хочет поехать, увидеть дом, который построил его отец еще до войны...

«Но ведь там другие люди давно, – говорит мать. – Или

вообще нет ничего. Столько лет прошло!»

«Надо проверить... посмотреть... – коротко, сквозь немощ отвечает отец. – Земля-то осталась. Наша земля...»

Когда-то они часто ругались. Шумно и многословно. Теперь же крикнут друг другу что-то резкое, почти бессвязное, и расходятся по разным комнатам...

Дробов достал телефон, нашел номер маминого мобильного, нажал вызов. Остановился на краю тротуара, слушал длинные гудки.

– Да? Алло?! – как всегда по телефону, испуганно стала спрашивать мама. – Алло?!

– Привет, это я, – сказал Дробов. – Извини, что только сейчас звоню.

– А, да-да...

– Как у вас?

– Да так... Сейчас... – Слышно было, что мама куда-то перешла, наверное, подальше от папы. – Успокоился вроде. Телевизор смотрит весь день...

– Ты скажи ему, если снова... Скажи, что съездим. В какие-нибудь ближайшие выходные... Надо все-таки...

– Что – надо? – голос мамы стал сухим и напряженным.

– Ну, чтоб он побывал...

– Нет! И не думай даже!

– Почему?

– Как... как вы туда поедете? – Теперь в голосе слышались слезы. – В поезде трястись с его здоровьем?... А потом?

– Ну там ведь автобусы...

– Ты уверен?.. До Ермиша, может, и ходят, а дальше? Там еще километров двадцать... Как? На чем?.. Ну вот вы приедете... приедете, и что? Куда вы там?

– Наверно, гостиничка есть какая-нибудь...

– Господи, да какая гостиница!.. А если он скандалить начнет, людей из дома гнать?.. Сами тридцать лет назад продали, а теперь вот спохватился... И как обратно, если упираться станет? Заявит: «Я здесь жить буду!» – и что делать? Что-о?

– Ладно, мам, успокойся. Подумаем... Но надо тоже и ему навстречу...

– Раньше надо было... Ты же видишь, в каком он состоянии... До лифта дойти не может, а тут – на край света...

– Ну какой край света?

– Край, край! Ты не помнишь, а я помню. Довезешь его, и там он и... и... – мама заплакала, – и похоронишь.

– Мам, перестань! – Но, странно, Дробов внутренне согласился с этим: «Наверно, так и нужно. Может, отец для этого и рвется на родину – чтоб там умереть». – Я приеду завтра, и решим.

– Ты... – мама задыхалась от плача, – ты только обещаешь... Как в другом городе...

– Ну, дел полно. Завтра приеду.

– И Настю хоть привези...

– Да, да. Извини, деньги кончаются... До завтра, мама. Не

плачь.

Сунул телефон в карман куртки, закурил... Курил очень редко, по три-четыре сигареты в день, – но после таких разговоров не покурить было невозможно.

И главное, общаясь с родителями что по телефону, что вживую, Дробов ощущал себя ребенком, каким-то четырнадцатилетним подростком. Невольно продолжал искать у родителей защиты, помощи, а оказывалось, они давно уже не могли ему этого дать... Нет, наверняка могли, но больше ждали помощи от него.

И как быть в этом вот случае? Он понимал отца – отцу необходимо было увидеть родные места, а с другой стороны – как туда его довезти, как там хотя бы ночь перекачаться, действительно? И что будет в этом Свестуре? Может, глянет на дом, в котором на свет появился, и – инфаркт... Не мог Дробов отговаривать от поездки, отказаться помочь, но и помогать тоже не мог. Как? Оттолкнуть мать с дороги и везти?

Да, надо, по крайней мере, навестить, внучку им показать. Уже почти месяц не были... А там сентябрь, учебный год. Закрутится колесо жизни с новой силой.

Репетиционная база находилась в бомбоубежище, во дворе двух двенадцатизэтажек неподалеку от метро «Тульская». Меж домов детская площадка, скамейки, стол для домино, деревья и – три толстые трубы, видимо, вентиляции,

неприметная бетонная арочка, дверь – вход в бомбоубежище. Несколько комнат там оборудованы для репетиций – есть барабанные установки, усилители, штативы, шнуры. Заведует всем этим бывший металлист Валя...

На скамейке возле входа сидели Паша Гусь, Андрей и Ольга. Дробов не видел их почти все лето и сразу отметил некоторые перемены во внешности.

Ольга, три года назад моложавая, сочная, иногда, оживляясь, становившаяся почти юной, еще пополнела, еще больше обабилась, что называется; гитарист Андрей, все двадцать лет носящий косуху (настоящую, но все-таки уже почти распавшуюся, истертую местами до дыр), полысел так, что залысины добрались до макушки, и его хвост, собранный из остатков волос, выглядел уж слишком комично, почти как косичка у старинного китайца, и еще это круглое брюхо под майкой с надписью «Dead Kennedys»; Гусь зато был по-прежнему сухощав, аккуратен и издалека выглядел лет на двадцать пять. Точнее, он, наоборот, с годами словно бы молодел и уж точно становился аккуратней; Дробов помнил, каким он был в начале девяностых – малолетний панк, бухающий, что и сколько дают, угреватый, без зуба, в рваных джинсах, с вечными фингалами и ссадинами на роже... Потом стала меняться одежда, появился зуб; Паша меньше пил, а вот три года назад предложил подрабатывать, играя советскую попсу. «Жить без любви, без любви, без любви не могут лю-уди. Час без любви, без любви, без любви – напрас-

ный ча-ас...»

– Здорово, – сказал Дробов. – А вы чего здесь?

– А где нам быть? – хмыкнул Андрей. – Отель «Челси» далеко...

– Я думал, уже тренируетесь по полной.

– У Вали опять сгорело что-то... паяет... Да и все равно ни Макса еще, ни Игоря. – Гусь достал из чехла с барабанным железом банку «Хольстена». – Будешь?

– Блин, ты зачем висельнику веревку суешь? Я и так весь день на пиво смотрел. – Дробов поморщился, но все же взял ее, открыл. – Вообще-то спасибо. Надо глотнуть.

Ольга сидела на краю лавки, смотрела вперед, но каким-то невидящим взглядом. Рефлекторно подносила зажатую в прямых пальцах сигарету к губам, затягивалась. На земле у ее ног уже лежало несколько окурков.

– Смотрел, чем можно репертуар обновить? – спросил Гусь.

Дробов дернул плечами, хотел уже сказать, что времени не было, – но вспомнил про Барби.

– Была такая певичка когда-то – Барби звали. На самом деле, конечно, по-другому...

– И? – перебил Паша Гусь. – Хорошие песни?

– Не сказал бы, что хорошие, но лет двадцать назад была популярной.

– А что пела-то? – подал голос Андрей. – Любовь-морковь?

– Такую песню помню, – и Дробов не напел, а проречитивил: – «Красишь ты ресницы в ярко-синий цвет, ждешь любви прекрасной, а ее все нет».

– А, точно! – оживилась Ольга. – Ба-арби, – протянула с грустной улыбкой, от которой лицо стало еще более бабьим. – Только у нее не эта вещь лучшая, другая была... Сейчас...

– Ну, она нам подходит? – подождав, спросил Гусь.

– Подожди... Как же там... «Часики с секретом... часики с секретом...»

– Попсня наверняка махровая, – проворчал Андрей и глотнул пива.

– Нет, отличная песня. Лирика. – Ольга поднялась, вытянула из кармана узких джинсов мобильник. – Сейчас наведу справки. – Стала искать номер, еще раз улыбнулась. – Барби... Сто лет прошло...

– Кто она такая вообще? – теряя терпение, уставился Паша Гусь на Дробова. – Откуда ты ее выкопал?

– Да вспомнилась вчера... – Дробов начал было рассказывать о том, как собирали с дочкой игрушки и наткнулись на Барби с нарисованными ресницами, но осекся – зачем посторонним это знать?

– Доча! – заговорила Ольга в телефон. – Там в тумбочке под телевизором кассеты лежат. Для магнитофона! Найди срочно кассету, там на обложке написано «Барби»... Певица такая... И найди песню «Часики с секретом». Спиши

слова... Да, очень надо, срочно! По работе!

– Ну, может, это и не стоит того, – сказал Андрей.

– Не знаю, может, – легко согласился Дробов.

Торчать здесь было скучно, лучше бы спуститься, подключить гитару, поиграть. Хотя что поиграть – просто поизвлекать звуки.

– Сейчас дочка найдет! – объявила Ольга. – Нет, это отличная песня – «Часики с секретом». Спасибо, Леш! – Теперь уже радостно улыбнулась, на несколько секунд став симпатичной девчонкой.

Появился клавишник Игорь с синтезатором в длинном футляре.

– Привет! Репа-то будет?

– Ну да, надеемся. У Валька поломка опять какая-то, обещал позвать. – Гусь достал очередную банку. – Подкрепись пока.

– М-м, спасибо. А чипсов нет?

– Хм!

– Понял... Когда выступление?

«Не “концерт”, – отметил Дробов, – а “выступление”. Скоро вообще в ВИА превратимся». И вспомнил: иногда их так и объявляют, в формате клуба: «Выступает вокально-инструментальный ансамбль “Антидот” – антидот против псевдомузыкальных наносов нового тысячелетия».

– Седьмого числа, – сказал Паша. – В пятницу.

У Ольги затрезвонил телефон.

– Алло! – отвернувшись от парней, медленно пошла по двору. – Нашла? Списала? Прочитай... Ну читай, пожалуйста!..

– Нашел какие-нибудь новые темы? – спросил Игорь Паша.

– Кузьмина слушал. Можно оттуда пару-тройку вещей снять.

– Пару-тройку? Ха-ха! Нам бы хотя бы одну успеть.

– Ну, на будущее. Там такие проигрыши...

– Ребята, есть ручка, бумага? – подскочила Ольга.

– У меня нету, – сказал Паша, у Дробова тоже не было.

– Офигеть! Вы же поэты все.

– Не сыпь соль на рану!..

У Игоря отыскались в кармашке футляра листочки с аккордами и карандаш. Ольга устроилась на скамейке, подложила под бумагу чехол с тарелками, стала записывать.

– А что она? – кивнул Игорь на Ольгу.

– Да текст записывает. Барби какой-то.

– А?

– Лех, – Паша страдальчески скривился, – объясни. Ты всполошил.

Дробова мгновенно захлестнула волна раздражения, усталости. Отвращения ко всему этому, даже к гитаре.

– Охренеть! Я вообще могу ничего не предлагать. Вообще...

– Ладно-ладно, хорош. Просто тошно – девятый час уже.

Пока настроимся, и ночь.

– Я надеюсь, – сказал Андрей, – это время, пока мы тут, репетицией не считается?

– В смысле?

– Ну, мы за сейчас платим? У меня лично денег в обрез.

– Нет, наверно. И никогда не платили. Пургу какую-то порешь... Бля, – Гусь глянул на часы, – и Макса до сих пор нет.

– Все, записала! – Ольга закурила новую сигарету. – Действительно, песня отличная. Даже образы есть.

– А что за песня? – снова спросил Игорь. – Чья?

– В общем, в начале девяностых, – почти по складам стала рассказывать Ольга, – появилась такая певица – Барби. Псевдоним, в общем. Совсем девчонка...

– Марина Волкова ее зовут, – вставил Дробов.

– Да?.. Ну хорошо... Спела несколько песен и пропала. Как не было. А раскручивали ее мощно... Все, короче, о ней забыли, а Леша сегодня напомнил.

– Не все, конечно, забыли, – усмехнулся Дробов. – В инете пишут. Прочитал вчера, что вроде спилась... Тогда еще замуж вышла, разорвала контракт, а потом что-то не сложилось...

– Она вообще молоденькая была, – вторила Ольга. – Лет шестнадцать...

– Так, все! – поднял руку Андрей. – У меня башка сейчас лопнет от вашего треска. Давайте по существу.

– А вот и Максик! – кивнул Гусь в сторону несущегося к

ним бас-гитариста.

– Ну все, я начинаю, – Ольга махнула листом.

– погоди, Макса дождемся.

– Да ему все равно, что играть.

– Он тоже имеет право голоса.

Макс уже подбежал, извиняющимся тоном стал здороваться, но, узнав, что репетиция еще не началась, расслабился, заулыбался. Принял у Гуся банку пива.

– Мне можно читать? – строго спросила Ольга.

– Теперь – да.

– Спасибо. – И она начала с выражением, как отличница в школе:

Мне так с тобою нравится,
А без тебя – засада,
Слоняюсь я по комнате,
Сама себе не рада.

Мальчишка мой единственный,
Соломенная стрижка,
Носи меня за пазухой,
Ведь я твоя малышка.

И припев:

Ты подарил мне летом
Часики с секретом,
Когда со мной ты рядом,

Они идут как надо...

– Это же эта пела!.. – воскликнул Игорь и стал щелкать пальцами. – Эта!..

– Барби, – досадливо сказала Ольга. – Альбом «Азбука любви».

– Да какая Барби... Елена Белоусова пела!

– Игоре-ок, – Ольга зарычала, – не путай и дай мне дочитать.

– Да Белоусова! Я еще запомнил, что там в тексте «соломенная стрижка», а в клипе – мулат какой-то стриженный.

– И кто такая эта Белоусова? – уныло спросил Андрей.

– Да какая разница?! – дернулась Ольга.

– Андрюха прав – мы должны знать, чьи песни поем...

– Это Барбина песня!

– Оль, я точно помню, что ее Белоусова пела.

– И кто это?

– Жена Белоусова. Вдова, точнее.

– Ой, блин, – Андрей потер глаза. – А кто такой Белоусов?

– Женя Белоусов. Ты его «Девчонку-девчоночку» три года играешь.

– Так бы и сказал – жена Жени Белоусова... Без имени я его не воспринимаю.

– Ну, что ж поделаешь, – усмехнулся Игорь. – Она вообще всего несколько лет спела, Белоусова, и потерялась. Какой-то скандал случился, ребенка у нее отобрали...

– Из-за чего? – заинтересовался Макс.

– Да не помню. Кажется, голой сфоталась, а отец ребенка разозлился...

– Ребята-а, – словно будя их, заговорила Ольга, – вы в какую-то хрень влезли. Вам не кажется? При чем здесь Белосовы, ребенок, кто как сфотался?..

Дробов тоже почувствовал некую нереальность спора. Словно они здесь, в этом дворе, стали ловить привидений.

– А вы не думаете, – сказал Паша Гусь, – что сначала одна пела, а потом другая?

– И обе плохо кончили, – зловеще добавил Андрей.

Макс попытался пошутить:

– Кончали, может, и хорошо, а вот закончили, действительно...

– Да, потерялись конкретно, – согласился Игорь. – Про Барби не в курсе, а Лена...

– Ну, ты еще маленький был при Барби, – перебила Ольга. – А нашему поколению она запомнилась. Своя девчонка и по возрасту, и по всему, и – звезда.

– Да сколько их было, – отмахнулся Андрей и допил свое пиво.

– Нет, Барби особенная была... Может быть, поэтому и не выдержала этого ужаса шоу-бизнеса...

– Ладно, все, – остановил Андрей, – надо с песней определиться, будем или не будем. Меня лично текст не впечатлил.

Ольга тут же захныкала, почти искренне:

– Андрюш, хорошая песня получится. Я в следующий раз запись принесу. Давайте разучим, я классно петь буду.

– А не боишься, – хмыкнул Гусь, – что тоже испаришься, как эта Барби?

– И Лена Белоусова, – добавил Игорь.

Лицо Ольги напряглось, разгладилось, стало и красивым, и одновременно жутким, как у неживой.

– А что мне терять? – как-то горлом спросила она. – Меня и так как бы нет.

Она замолчала, и остальные тоже молчали. Дробов, не поворачивая головы, оглядел доступное глазу пространство.

Дом, белье на некоторых балконах, на площадке дети играют, к скамейке подбирается голубь, мечтая найти какие-нибудь семечки, над домом сочно-синее, уже предвечернее небо. Без туч... Вроде все нормально, спокойно, а в действительности... Вспомнился фильм «Ночной дозор», и слышался шепоток прячущейся повсюду, под каждой тенью, нежити. Ждущей момента, чтобы накинуться.

И, видимо, это казалось не только Дробову.

– Ой, бля! – вскочил Гусь. – Пойду узнаю, что там... Как играть через неделю? Ни фиги вспомнить не успеем.

Он дернул дверь, исчез в полутьме. Дверь за ним медленно закрылась. Ольга почти про себя, ласково и жалобно запела, глядя в бумажку:

Мальчишка мой единственный,

Соломенная стрижка,
Носи меня за пазухой,
Ведь я...

– Объясни мне, Оль, – заговорил Андрей, – что такое «соломенная стрижка»? Я понимаю, это волосы могут быть соломенными. А стрижка?..

– Не глумись! – противно, тонко крикнула она. – Это... Не мешай мне вспоминать!

– Вспоминай у себя в кровати! – криком ответил Андрей.

– Погоди... Нет, – сказал Макс, – в натуре хорошая песня получиться может. Народу такое нравится. Душещипательная. Я уже фишку для своей партейки придумал.

– Фигня это, – Андрей вытряхнул из пачки сигарету. – Вообще фигней мы занимаемся. Да. Просто убиваем свои жизни...

– Хэй! – высунулся из-за двери Паша Гусь. – Заработало! Парни похватали чехлы и футляры.

– Слава богу, – выдохнул клавишник Игорь, – чуть все не пересрались окончательно.

Гоу датч

Конечно, по ней не скажешь, что она ждет рыцаря. Да она и не ждала пассивно – искала. Искала, но все-таки рыцаря, а не хрена с горы.

Пока еще стройная, хотя и крупноватая, совсем уже не девочка в свои почти тридцать два, впрочем, и не тетка. Деловая молодая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке. Все упаковано. Еще бы его, рыцаря.

Поиски не проходили бесследно – родилось двое детей, в паспорте стояло шесть штампов: три о заключении брака и три о расторжении, причем два последних не поместились на положенных страницах, где «Семейное положение», и их поставили на странице, предназначенной для записей о детях... Перепробованные мужчины в памяти Анны представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу. Там в единый ком слиплись два сорта представителей противоположного пола: слизни и животные.

Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится – типа, «отлизывать запад-

ло, если что – на тюрьме зачмырят». Но долго рядом с собой слизней Анна не выносила; после секса или выпроваживала из квартиры, или, если была у них, уезжала сама...

Животные были ей немного приятней. Точнее, секс с ними нередко доставлял ей настоящее удовольствие. Когда мощный парень брал ее стальными руками и делал с ней то, что считал нужным. Был хозяином.

Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия – эти не ждали ее, не помогали, а удовлетворившись, откидывались и, лежа на спине, громко дышали и фыркали. И только попробуй в эти минуты прильнуть, намекнуть, что ты еще не закончила, – он посмотрит на тебя презрительно-недоуменно и произнесет убивающее: «Чо?»

После этого оставалось или истерику устроить (но рискуешь схлопотать по лицу), или смириться и ждать, когда он снова захочет тебя, быть к этому готовой, разогретой, чтобы успеть достичь пика раньше него или вместе с ним...

Конечно, за годы поисков Анне встречались рыцари. Три-четыре экземпляра. Правда, все они были женаты. Пытались сделать Анну любовницей, готовы были ее содержать, любить не меньше жен. Но через несколько месяцев она прекращала отношения: быть любовницей даже у рыцаря было унижительно.

Продолжала искать своего – свободного. И вот еще одна попытка...

Высокий, мускулистый, с мужественным лицом и манера-

ми аристократа Илья. Лет на пять старше Анны. Нормально, не мальчик, но и до старческого утомления еще далеко... Несколько лет жил за границей, не так давно вернулся и сразу занял высокую должность в крупной компании.

В подробности его работы Анна пока не входила. Да и зачем? Видела, что не лошок, не проныра какой-нибудь, пытающийся под статусного... Тем более общие знакомые отзывались о нем очень хорошо: истинный англосакс.

Сегодня договорились поужинать вместе. Вдвоем. Илья предложил очень приличный рест на Рождественке.

– Надеюсь, будешь не на колесах, – сказал Илья. – Хочу заказать редкое вино... У тебя нет аллергии на красное сухое?

Анна улыбнулась:

– Нет. Я вообще не подвержена этой модной болезни.

– Я рад. Значит, до встречи?

В начале девятого вечера такси подвезло Анну к ресторану. «Опаздываю на восемь минут, – отметила она, глянув в айфон. – Хорошо».

Швейцар открыл ей дверь, гардеробщик, похожий на полковника Кремлевского полка, снял с нее легкую дубленку с песцовым воротником (Анна не была защитницей пушных зверьков), метрдотель повел ее в зал.

– Меня должны ждать, – сказала ему Анна.

– Да. Господин очень точно описал даму...

«Интересно, в каких словах?» – хотелось спросить; но она,

конечно, не спросила. Да и вряд ли Илья действительно описывал ее. Ресторан был почти пуст, так что перепутать метрдотель наверняка не рисковал.

Илья поднялся ей навстречу. Вышел из-за стола. Руку не поцеловал, но так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение. Такие прикосновения ее особенно волновали...

– Поужинаем? – предложил Илья. – Под это вино... – Официант как раз поднес к столу покрытую пылью бутылку. – Под него рекомендую ростбиф с кровью. А также зрелые сыры.

Копаться в меню на свидании Анна всегда считала идиотизмом. Хотя безоговорочно следовать советам кавалера тоже неправильно – можно показать себя простушкой, ничего не соображающей в блюдах. Но в этот раз она решила не играть. Кивнула:

– Я доверюсь вам, Илья.

К тому же пусть видит, что она может позволить себе после шести вечера сытно поесть и притом умеет сохранять фигуру...

Илья кивнул официанту повелительно, и тот осторожно налил ему в бокал немного матово-бордовой жидкости. Илья краями губ втянул в себя это немногое, подождал, словно к чему-то прислушиваясь, кивнул, на сей раз одобрительно. Официант наполнил бокал Анны до половины, затем – Ильи. Другой официант подал тарелку с сырами...

– Может быть, перейдем на «ты»? – поднял Илья бокал.

– Я не против. Только без брудершафта. А то что-нибудь опрокинем.

Он засмеялся.

– По-моему, брудершафт пьют мужчина с женщиной. Как это... братаются.

– Теперь все пьют. Главным в этом обряде стал поцелуй.

– Поцелуй – это действительно очень важная вещь, – сказал Илья игриво и протянул к Анне бокал, держа его за тонкую ножку; Анна слегка ударила по его бокалу своим, и по залу медленно полетел красивый, словно извлеченный из неведомого музыкального инструмента, звон.

Вино было терпкое, но сразу чувствовалось, что эта терпкость порождена природой и умелым хранением, а не добавками-стимуляторами... Выбранный сыр очень подходил к вину...

Илья стал рассказывать о специфичности русского бизнеса, о том, как сложно ему после нескольких лет работы за границей входить во все нюансы, понятия, человеческие отношения.

– Иногда совсем идиотом себя чувствую, – признался он как бы в шутку.

– Ну, ты на одноименного персонажа Достоевского не очень похож, – отозвалась Анна, глядя на бугорки его мышц под тонкой голубоватой сорочкой (пиджак, с позволения Анны, Илья снял и повесил на спинку стула), представляя, как

он истязает себя в фитнес-залах или на домашних тренажерах.

– Извини, что? – Илья совсем по-американски приподнял одну бровь, склонил голову набок, выказывая готовность понять слова Анны.

– Я о герое романа «Идиот». О князе Мышкине.

– А! – широко и облегченно улыбнулся Илья. – Да-да, князь Мышкин... Ты любишь Достоевского?

– Не то чтобы. Но много параллелей... И непонятно, то ли Достоевский так гениально все эти типы описал, что их и спустя сто пятьдесят лет через одного... Мармеладовы, Сонечки, Карамазовы, Мышкины, Свидригайловы... То ли наоборот – книги Достоевского воспитывают такие типы.

– Ну, второе маловероятно, – пожал плечами Илья. – Как можно специально стать... гм... Свидригайловым. Это, если мне не изменяет память, мерзавец бесспорный.

Анна хотела заспорить: что не такой уж он бесспорный мерзавец, если вчитаться... Поняла, не стоит на первом же свидании... Хотя все-таки не согласилась:

– Но вот я в жизни столько вижу особей женского пола... женщинами их сложно назвать... которые абсолютно копируют Настасью Филипповну. Помнишь, из «Идиота» такая...

– Да-да, – не совсем уверенно кивнул Илья.

– Может быть, девяносто процентов нынешних Настась и не читали роман, но видели фильм, сериал тут вышел недавно... Да даже не в конкретной Настасье Филипповне суть, –

увлеклась своими мыслями Анна. – После этой Настасьи последовали сотни таких же персонажей. Достоевский их как бы разрешил. И реальные женщины увидели и поняли: нечего себя сдерживать, когда об этом столько написано, и раскрылись. Истерика считается нормальным делом, не быть психопаткой как-то даже неправильно... Страшненькие еще сдерживают себя, как правило, под добрых Сонечек косить пытаются, а хоть слегка симпатичные – все под Настасью Филипповну. Все якобы сумасшедшие, все мучаются непонятно чем и окружающих мучают. Разве не так, Илья?

– Кажется, да. Но, может быть, это в природе?

– Если даже в природе, то нужно управлять своей природой. А тут – наоборот... Тем более что все мужчины за такой бегают, все ее хотят, слюни пускают... И мужчины тоже... – Анна не на шутку увлеклась, распалилась после двух бокалов вина; да и высказаться хотелось, а общество мало-знакомое, симпатичного, неглупого, видимо, Ильи для этого очень подходило; к тому же стоило показать ему, что она не такая, не из Настась.

– Мышкин с Рогожиным... Рогожиным. Один – тихоня такой правильный... не мужчина почти, а Рогожин – животное, зверь. А где нормальный? Где собственно мужчина?... И в жизни мужской пол на эти две половины делится. За очень редким, – Анна коротко взглянула на Илью, – исключением. Как ей показалось, он ее понял.

После анализа героев «Идиота» поговорили без сарказ-

ма, без сплетен об общих знакомых, рассказали друг другу по парочке забавных случаев из детства. Повспоминали родную Москву середины девяностых... Постепенно стали завершать ужин, и, обмениваясь взглядами, оба понимали, что партнер не против продолжить общение дальше, не здесь...

Официант принес счет. Илья раскрыл узкую кожаную папочку, пошевелил губами, вложил в нее сколько-то денег и протянул папочку Анне.

Она не поняла:

– Что?

– За вино и свою часть я оплатил.

– Да. И что?

Илья догадался, что что-то не так. Растерялся. Все еще держа над столом развернутую папочку с высовывающимися из кармашка уголками купюр, он произнес:

– Я считал, у нас гоу датч...

«Датч» сказал с американским акцентом, резким, бьющим «ч». На мгновение, когда произносил это «гоу датч», выражение лица стало высокомерным, нижняя челюсть выпятилась. А затем – снова растерянность.

– Х-ха! – выдохнула Анна, рывком достала кошелек,хватила оранжевую бумажку и бросила на папочку. – Каждый платит за себя – прекрасно! Хорош рыцарь!..

Она вскочила.

– Анна, но я считал, это тебя унизит, если я... Первая встреча...

– Ничего, все в порядке. Пять тысяч хватит? – Она пошла к гардеробу. – Или добавить?

– Анна, извини, – Илья, она чувствовала, пристыженно посеменил за ней, – я не думал... Там так принято...

– Я говорю – все в порядке. Не беспокойся... Молодой человек, – обратилась то ли к охраннику, то ли еще к кому в темном костюме, – вызовите, пожалуйста, такси.

– Такси дежурит у входа, – доложил тот.

Гардеробщик надел на Анну дубленку, Илья рядом неловко, трясущимися руками натягивал на себя пиджак.

– Я считал, мы вместе...

– Нет-нет, дорогой, у нас гоу датч... Хорошо провести ноч-чь!

Она ждала, что он схватит ее за руку, остановит, прикажет твердым спокойным голосом: «Всё, проехали это недоразумение! Успокойся, и – ко мне. Я тебя не отпущу». И тогда бы она наверняка сдалась. Но Илья был перепуган, унижен, раздавлен. Он всячески показывал, что виноват. И наверняка при следующем недоразумении или размолвке так же будет себя вести... И зачем он ей такой?

Она села в теплый душистый салон такси, назвала водителю адрес... Илья мялся в пиджачке на крыльце ресторана.

Валя

В этом году я был у родителей, и в один из первых же дней, копаясь на огороде, услышал за забором детский требовательный голос:

– Валя!.. Ва-ля!

– Ау, – через некоторое время отозвался другой голос, старческий, бессильный.

– А мама когда приедет?

– А?

– Мама когда приедет?

– Скоро, сынок, потерпи.

– А куда она поехала?

– А?

– Куда она поехала?

– Работать поехала, деньги зарабатывать.

С минуту за забором была тишина, а потом ребенок снова позвал:

– Валя-а!

– А?

– Валя, а когда мы кушать будем?

– Скоро, сынок, сейчас доделаю...

– Валя, я кушать хочу!

– Ну пойдем, пойдем...

Я оторвался от работы, пытаюсь сообразить. Точно такие

же разговоры я слышал двадцать лет назад, когда наша семья только переехала в эту деревню. Да, двадцать лет назад, летом девяносто третьего.

Когда бываешь раз в год в том месте, где когда-то жил, кажется, люди должны остаться такими же, что и были. И удивляешься, когда встречаешь того, кого знал пацаненком, а теперь он здоровенный парень, мужичара. Девчонки, которые проходили мимо наших ворот с ранцами за плечами, возвращаясь из школы, превратились в тётенек, у которых дети в выпускных классах. Половины обитателей нашей коротенькой Заозерной улицы уже нет в живых, в половине изб – новые люди...

Да, время летит, его не остановишь, и потому я оторопел от этого требовательного детского: «Валя! Ва-ля!» Словно и не было двадцати лет, словно и соседка, старушка Валентина Семеновна, и ее внук Олежек остались прежними.

Позже, когда мы отдыхали с родителями у крыльца в тени черемухи, отец спросил меня:

– Слышал, как внучок бабушку называет? Лет восемьдесят между ними, а – Валя.

– Слышал, слышал...

– Да не внучок, – поправила мама. – Внук, Олег, в тюрьме сидит. А это правнук говорить научился.

– А, ну да, ну да, – покивал отец, – правнук.

А мама вспомнила:

– Ой, Рома, тут ведь такая история случилась! – Но оста-

новились, глянула на забор. – Потом расскажу, в доме.

И за ужином рассказала:

– Таня-младшая, которая Валентины Семеновны внучка, устроилась на почту... Три месяца почта на замке стояла, никто не шел, письма с городской машины развозили... И вот ее приняли. А тут подписка, и когда хватились денег, их нет. Оказалось, Таня взяла и что-то на них себе купила...

– Как так? – усмехнулся я. – За это же можно срок зарабатывать. И кроется быстро.

– Ну вот не побоялась. Или думала, что успеет вложить. Но обнаружилось. Теперь прячется где-то... И ведь это не первый раз у нее такое. Года два назад устроилась социальным работником. Это которые одиноким, больным людям помогают по хозяйству... И вот ходила по ним и плакалась, что денег нет совсем, ребенок маленький, брат сидит, мать больная, бабушка старая... Старики ей одалживали какие-то суммы, а она не отдает и не отдает. И пожаловались ее начальству. Ее уволили, конечно... И года полтора маялась без работы...

– Вообще, конечно, судьба у семьи, – вздохнул отец. – Не позавидуешь.

– А во всем, я считаю, Валентина Семеновна виновата, – отозвалась мама. – Так она их всех разбаловала, что совсем они не понимали, как им жить. Как совсем в другом мире выросли, и когда стали взрослыми, то оказались не подготовленными совершенно. Отсюда и все их беды...

Я вспомнил, что там было, двадцать лет назад и позже.

В половине избы жили Валентина Семеновна, ее дочь Татьяна и ребятишки – тогда им было лет восемь-десять – Таня и Олег, которого до поры до времени называли Олежек. Татьяна была полной, молодой, всегда по-городскому одета. Часто ездила в город, увидеть ее несущей воду от колодца или выдирающей крапиву у забора было невозможно – она таким не занималась. У нее была какая-то болезнь, и статус (тогда это слово было не в ходу, но понятие существовало) больной освобождал ее от работы. Кажется, она получала какую-то пенсию, а может, и нет. Но в любом случае вела себя так: я больной человек, не дергайте меня, но заботьтесь...

Ее дочку Таню одевали как принцесску, да и воспитывали так же. Я ни разу не видел ее в огороде, она не ходила в магазин. Чаще всего сидела на лавочке у калитки, смотрела направо-налево, будто чего-то чудесного ожидая.

Олежек, младше сестры года на два, наоборот, был какой-то всегда расхристанный, крикливый, драчливый. С пацанятами, жившими по улице, постоянно ругался, с ним неохотно играли. Зато часто можно было услышать его требовательное:

– Валя! Ва-ля-а!

Татьяна была замужем, но муж сидел. Сидел за убийство, хотя, как говорили соседи, сам он не убивал, а его заставили взять убийство на себя. Дали семь лет. Вроде бы насто-

ящий убийца или убийцы обещали после освобождения помочь деньгами, и теперь передавали богатые передачи... Сидел он где-то недалеко, и Татьяна как-то сказала, что они там разводят карпов. Не знаю, правда или нет.

Муж просидел меньше семи. Примерно пять. Освободился, сразу купил квартиру где-то недалеко от Красноярска. В Назарово, кажется.

Татьяна с детьми собрали вещи и отправились к нему. Помню, как Валентина Семеновна их провожала, просила не забывать, приезжать. Татьяна вымученно обещала: «Да, наверное... Но это ведь далеко...» У Валентины Семеновны была еще старшая дочь, но она никогда не появлялась в деревне (по крайней мере, я не слышал, чтоб приезжала), был и бывший муж, отец дочерей, о котором и не вспоминали, да и он вряд ли вспоминал о Валентине и дочерях.

В общем, Татьяна с детьми уехали с радостью, готовые к новой жизни, а через два дня вернулись. Оказалось, что в квартире другая женщина, а муж Татьяны подал на развод...

Это был конец девяностых. Трудные, смутные годы... Если в начале десятилетия люди еще надеялись на то, что все наладится, станет, как было, или даже лучше, то года с девяносто пятого надеяться перестали. Переименованный в акционерное общество совхоз развалился, работы не было, и одни впряглись в свое хозяйство, а другие балансировали на грани нищеты.

Татьяна все так же почти каждый день ездила в город,

благо проезд для нее был льготный. Ездила то ли в больницу, то ли пыталась как-то там зацепиться, в городе. Вряд ли найти работу, скорее – мужчину... Дочь Таня заканчивала школу, в свободное время по-прежнему в ярких нарядах сидя на лавочке, а Олежек учебу забросил. Болтался по деревне, все что-то высматривая, к чему-то примериваясь. Иногда на него нападал азарт работать, и он начинал переделывать ограду палисадника, выпрямлять обвисшую калитку, но быстро бросал, и Валентина Семеновна или сама доделывала незаконченное, или звала кого-нибудь из мужиков, обещая бутылку или деньги...

Время от времени Олежек рыбачил.

Зады наших огородов выходили к озерцу, и он устанавливал на берегу удочки, наблюдал за сделанными из гусиных перьев поплавками. Клев был плохой – карасей и окуней почти всех давно переловили сетями, – и Олежек просиживал на берегу по целым дням, чтоб рыбы набралось хоть на уху.

– Валя! – кричал он. – Валя-а!

– Ау, сынок? – слышалось с огорода.

– Принеси воды. У меня тут поклевка...

В другой раз:

– Принеси хлеба!

Валентина Семеновна несла.

Позже, как-то тайком от себя самой, приносила внуку сигареты.

Лет в пятнадцать Олежек стал воровать. В деревне, осо-

бенно в девяносто четвертом – девяносто седьмом, воровали многие, но Олежек тащил все подряд, и тупо, открыто. Его ловили. Случалось, просто били, а чаще вызывали милицию. Дела до поры до времени не заводили. То маленький еще, то мелочь стянул... А Олежек подрастал, стервенел от нищеты и собственной беспомощности. Стал ходить с тесаком и не то смастеренным, не то купленным самострелом, стреляющим тозовочными патронами.

За угрозу оружием ему и дали первый срок.

Приезжала группа, сделали обыск. Обшарили и избу, и стайки, баню. Валентина Семеновна плакала, стонала:

– Позор какой, позо-ор... Олежек не мог... Он ведь ребенок совсем...

Внука увезли, быстро судили и дали условно года два. Никакой возможности исправиться ему не предоставили, отправили обратно в деревню, где нечего было делать.

Некоторое время он не высовывался за ворота, жил, видимо, на пенсию бабушки. Мать Татьяна почти не появлялась дома, сестра тоже исчезла – после окончания школы уехала. Вроде бы куда-то поступила.

Олежек вскоре не выдержал – снова стал воровать, но в основном не в родной деревне, а в других. Опять его ловили, арестовывали, держали по месяцу-два за решеткой и отпускали. Люди удивлялись:

– Кого-то за куль комбикорма на три года садят, а этому как с гуся вода.

Может, этим быстрым освобождениям Олежека способствовала его внешность – он в двадцать с лишним выглядел подростком: низенький, сухонький, сопливый, с детским голосом. На первый взгляд безобидный, тщедушный. Наверное, на это поддавались судьи, отказывавшие в возбуждении уголовных дел...

Года четыре назад Олежек устроился на завод в городе Черногорске, приезжал в отпуск с невестой. Поговорил с моим отцом, которому доставил в свое время немало неприятностей, попросил прощения. Но месяца через два вернулся в деревню – с завода выгнали, девушка бросила... Валентина Семеновна была даже рада – внучок опять рядом.

Вернулась и Таня. Оказывается, училась в Красноярске в вузе, но то ли сама бросила, то ли выгнали. Татьяна тоже чаще стала появляться дома.

И снова жизнь потекла, как лет за пять-семь до этого. Бабушка Валя кормит внучат, дочка Татьяна почти каждое утро уезжает в город, вечером возвращается.

Но вскоре им слегка повезло – Татьяне, как инвалиду какой-то группы, выделили в городе квартиру. Социальное жилье... Эта программа появилась в середине двухтысячных, и по ней одиноких стариков, инвалидов из деревень перевозили в такие вот квартирки. Их нельзя было приватизировать, наследовать – пожил в относительном комфорте с горячей водой в кране, с ванной и унитазом, а потом, когда умрешь, так же проживут другие.

Из-за этой квартирки возникла целая битва. И Татьяне, и дочери Тане, и Олежеку захотелось там поселиться. Ведь своя крыша над головой в городе, пусть и такая, – это возможность устроить личную жизнь. В конце концов в квартире поселилась Таня и вскоре забеременела. Забеременела, но замуж не вышла. В итоге через несколько месяцев после рождения сына была сослана матерью, законной владелицей квартирки, к бабушке.

И опять брат и сестра, но уже взрослые, на третьем десятке, торчали в деревне у бабушки без дела, без денег. Еще и малыш... Какой была их жизнь в тесной половине дома, на что они жили – не представляю. Пенсий бабушки и матери Татьяны, детских денег вряд ли хватало даже на еду. Может, отец Тани и Олега помогал. Но они явно бедствовали. Валентина Семеновна покупала хлеб с хлебовозки скупно, иногда брала в долг. Как-то раз пожаловалась моей маме: «Сварила всем по яйцу и что-то завозилась у печки. Они мне: «Валь, а ты яйцо-то будешь?» – «Буду, – говорю, – буду». Сажусь за стол, а его и нет. И они молчат, смотрят только...»

Олега посадили. Дали серьезный срок – пять, что ли, лет. Он с еще несколькими такими же угнал из соседней деревни коров. Хотели сдать на мясо... Таня после декрета устроилась социальным работником, но продержалась недолго. Еще и долгов набрала. Потом эта история с почтой... И вот снова исчезла: «Работать поехала, деньги зарабатывать».

Через день или два к калитке Валентины Семеновны пришла учительница из школы. Стала стучаться, потом – собаки у них не было – кричать:

– Есть кто дома? Валентина Семеновна!

Докричалась.

– Где Татьяна? – спросила учительница.

– Дочь? В городе.

– Не дочь. Внучка ваша. Дома она?

– А?

– Внучка дома?

– Нет, уехала, – жалобно ответила Валентина Семеновна. – Павлика вот оставила...

– Куда уехала? Она мне деньги обещала вернуть. Вчера весь день прождала, сегодня – пришла.

– На Сахалин уехала, рыбу потрошить. Заработает, сказала, вернется.

– Какой Сахалин! – вскричала учительница. – Она на неделю заняла. Что у меня, пять тысяч, что ли, лишние?! Я в суд подам – расписка есть.

– Что же... Я-то что... – Валентина Семеновна сухо зарыдала. – Когда это все кончится, господи...

Еще через день-другой я встретил Валентину Семеновну на остановке. Пришел встречать маму из города, и соседка ждала дочь Татьяну. Она встречала ее каждый раз. Добредала до дороги, садилась на бетонную плиту, под которой была труба, пропускавшая ручеек, и ждала. Будто дочь сама не

найдет дорогу домой, или, может, надеялась, что привезет она столько всего, что не донести одной...

– Здравствуйте, Валентина Семеновна, – сказал я.

– А? – Она как-то растерянно посмотрела на меня, потом, видимо, сообразила, что я поздоровался, и покивала: – Здравствуй, здравствуй.

Остановка на краю деревни; раньше ее вообще не было, приходилось идти в центр села, а это больше километра от нашей улицы. Но потом автобус стал доезжать досюда. Остановка сначала называлась Заболотной, а потом переименована в Заозерную...

Я закурил, смотрел на серые и рыжие крыши изб, серые заборы, сараи, мутно-белый целлофан теплиц в огородах... Так как-то все ненадежно, старо, а ведь деревне, бывшему селу с храмом, который снесли при Хрущеве, уже под двести лет. До революции село было столицей волости, а сейчас заштатное – придаток Знаменского сельского поселения. Сама Знаменка в семнадцати километрах отсюда.

Работы по-прежнему почти нет: в школе, в детском саду, на почте, в трех частных магазинчиках. Ферма то возрождается, то закрывается, поля заросли уже не травой, а сосенками...

А само село-то немаленькое. Тысячи полторы жителей наберется. На место умерших или уехавших приезжают городские, не смогшие устроиться в городе. Покупают избы, в том числе и на материнский капитал, но у большинства не полу-

чается закрепиться и здесь. Деревня – это все-таки другой, особый мир, и полагаться здесь нужно лишь на свои силы, бороться самому за выживание. Многие на это не способны.

– Как здоровье, Валентина Семеновна? – громко, заметив, что она стала совсем плохо слышать, спросил я.

Вопрос, наверное, не самый удачный, но хотелось поговорить с ней.

– Да ничего, потихоньку, – прозвучало в ответ бесцветное. Я покивал.

Ясно, что не начнет Валентина Семеновна откровенничать. И стало неловко за этот мой вопрос с намеком на то, что я готов послушать о ее несчастьях.

Но старуха все-таки сказала несколько слов. Наверное, важных, главных для себя, восьмидесятилетней:

– Как тут болеть... Павлушка на мне, и Олежека с Таней надо дожидаться... Тут не поболееешь...

Я, глядя на ее сухое синеватое лицо, опять покивал. Отвернулся.

Подъехал автобус, я принял у мамы сумку с продуктами. Мы пошли к дому. Сзади слышался растерянный голос Валентины Семеновны:

– А моей нету, что ли... Обещалась приехать...

– Нет, не было, – сказала мама.

– Ох-хо-о...

Метров через десять я обернулся.

Валентина Семеновна шла медленно, но вроде бы тороп-

ливо. В правой руке была напоминающая посох жердинка. Старуха смотрела не под ноги, а в сторону своего двора, где уже беспокоился, звал ее правнук Павлушка:

– Валя! Валя-а!

Регион деятельности

Выскочив из плотных снеговых туч, самолет начал резко снижаться. Отсюда, с земли, казалось, что он падает. Валентина Петровна даже отвела взгляд. Вот действительно, возьмет и рухнет. И что тогда? Мелькнули как-то разом хорошо знакомые по теленовостям картинки: горящие обломки, вопли очевидцев, жирные клубы дыма, сирены пожарных и санитарных машин, а потом – репортажи, статьи, следствие... И, значит, – срыв праздничных мероприятий, посвященных долгожданному сорокапятилетию. На всей работе, успехах, достижениях будет поставлен крест...

Пересилила себя, снова посмотрела на посадочную полосу. Бело-голубой Ту-154, гудя, уже почти касался земли своими маленькими, вроде совсем игрушечными колесами... Коснулся, раздул под собой сухую снежную пыль, побежал очень быстро, качая крыльями, словно бы готовясь снова подняться в воздух. Но гул сделался тоньше – в турбинах надсадно запищало, как в сливе ванны, досасывающем воду, потом они почти смолкли, и самолет стал притормаживать.

– Ну, слава богу, – выдохнула Валентина Петровна. И пошла к микроавтобусу.

Уселась на переднем сиденье, сняла круглую соболью шапку, носовым платком вытерла испарину со лба и шеи. Взглянула в узкое зеркальце заднего вида, увидела гладкое,

свежее, умеренно-радушное свое лицо, улыбнулась так, как будет улыбаться скоро, и повторила:

– Слава богу.

Она знала по опыту – ждать остается еще минут десять. Пока самолет докатится до стоянки, пока подвезут трап, подъедет «ЗИЛ» с прицепом-салоном, чтоб забрать пассажиров... Да, десяток минут можно посидеть в тепле и покое.

Хоть бы прибыли все, кто намечен. Эта мысль не давала покоя со вчерашнего вечера, когда прошли последние телефонные переговоры и была окончательно утверждена программа мероприятий. Отпечатана, размножена, подписана Павлом Дмитриевичем. Всё. Теперь пять насыщенных дней, почти поминутно заполненных делами. Очень важных дней.

Валентина Петровна отвалилась на мягко-упругую, высокую спинку сиденья, прикрыла глаза... Конечно, волновалась. Она всегда волновалась, из-за любой, казалось бы, самой ничтожной мелочи, на которую любой другой попросту не обратил бы внимания, просто отмахнулся... Да, они не обращали внимания, и где они сейчас? Прокололись раз, другой, потеряли сначала доверие, потом неизбежно и должность. Она же волновалась не суетливо, не заполошно, а – профессионально. И никогда, практически никогда ничего не упускала, умела выводить из тупика вроде бы безвыходную ситуацию. Там, где нужно, это видели и отмечали.

– Т-та-ак! – Валентина Петровна выпрямилась, потянулась словно со сна, несколько раз глубоко вздохнула, распах-

нула глаза.

Снова глянула на себя в зеркальце. Вид по-прежнему бодрый, гостеприимно-деловой... Надела шапку, кончиками ногтей большого и указательного пальцев подчистила уголки губ, а мизинцем – глаза возле переносицы. Никаких катышков, заспанок – вперед!

Открыла дверцу, выбралась из «Тойоты». Застегнула дубленку.

Водитель Геннадий стоял в кучке других мужичков, тоже приехавших встречать рейс. Курили, о чем-то разговаривали, посмеивались. Они наверняка все между собой знакомы, да и Валентина Петровна почти всех знает если не по имени, то в лицо. Что тут – город-то в неполных тридцать тысяч, включая детей. Всеми силами сейчас городские власти пытаются довести эту цифру до круглой – нужно им успеть до июля, когда отмечается День города... В этом году ему сорок пять. Десятого июля пятьдесят девятого на островке среди необъятного болота в междуречье Оби и Конды высадился вертолетный строительный десант, собрали первые щитовые бараки и потянули на север и юг нить газопровода. С тех пор и пошла история сначала поселка Пионерский, а потом и города Пионерска. Тогда же, только двумя месяцами раньше, при Мингазпроме была создана организация, которая теперь стала мощной, богатой компанией «Обьгаз». И первые мероприятия, посвященные этой, уже достаточно серьезной дате, и должны сегодня начаться.

Валентина Петровна оказалась здесь далеко не в первых рядах, но теперь и она считается одним из старожилов Пионерска – четверть века на этой земле. Всю, в общем-то, взрослую жизнь...

Морозец! Легкий-легкий такой, на грани оттепели. При ясном небе наверняка бы потекло... Уже сходил снег в конце марта – за две-три парные ночи. На дорогах и во дворах появились огромные лужищи, на газонах начала пробиваться трава, а потом подул север, принес новый снегопад и за ним – мороз. И вот снова стоит зима. За неделю до первого мая.

Валентина Петровна посмотрела на летное поле. Что-то не видно «ЗИЛа» с пассажирами... Поле огорожено невысоким – ниже человеческого роста – почти декоративным заборчиком из ребристых железных прутьев. Поставили его в то же время, когда и строили аэропорт, – лет сорок назад. Формально этим заборчиком территорию огородили, а не защитились от чьего-нибудь злого умысла... И всё тут не отвечало современным требованиям, в Пионерском аэропорту, особенно меры безопасности, – бывает, кто-нибудь из провожающих, чтоб отдать забытую вещь или початую бутылку водки сунуть в дорогу, перемахивает через заборчик и бежит к самолету. А зал ожидания, кассы, буфетик, досмотр с накопителем размещаются все вместе в бывшем ангаре. Этакий дугообразный сарай без окон и с дверью-воротами мутнеет алюминиевой тушей среди соснового бора. Рядом с ним деревянный белёный сортир, корявые буквы «М» и «Ж»...

Хм, романтично, конечно, и многих умиляет, навевает им воспоминания об аэродромах шестидесятых годов, когда все было просто и никто ничего и никого не боялся.

Но ведь несолидно. И Валентине Петровне стыдновато встречать и провожать официальные делегации – заметно, как люди неприятно удивляются ангару, «ЗИЛу» с кривобоким допотопным прицепом, жестким скамейкам в зале ожидания... Аэропорт – это, как говорится, визитная карточка города (да и всего региона). А у них визитная карточка словно бы вручную сделана, из серой картонки...

Неподалеку началось строительство нового аэропорта, двухъярусного здания из морозостойкого бетона, но слишком медленно, почти незаметно дело движется – аэропорт в ведении района, а он бедный, их Пионерский район... Давно ведутся переговоры по передаче аэропорта «Обьгазу»; правда, результаты почти нулевые: глава района Евсеенко никак не может определиться – и жалко ему терять такой потенциально прибыльный объект, и денег на его содержание, на развитие нет; все пытается у «Обьгаза» финансы выцыганить в обмен на смешные уступки – сделать, например, рядом с ангаром зал для сотрудников и гостей компании...

Словно боясь, что ветхий прицеп-салон развалится или перевернется, «ЗИЛ» медленно, осторожно подполз к воротам. Остановился. Дверцы с шипением сложились. Валентина Петровна приосанилась, вглядываясь в выходящих.

Конечно, почти все ей знакомы и среди прибывших – слу-

чайного человека в Пионерск до сих пор редко заносит, в основном летают или свои, или командировочные, которые быстро тоже становятся своими... Мельком Валентина Петровна отмечает: вот вернулись из отпуска Куприяновы – молодая супружеская пара, ее соседи по подъезду; вот, почему-то московским рейсом, прилетел один из замов мэра, хотя отправлялся, по сведениям, в область... Но глаза ее выискивали тех, кого нужно встретить. И хоть бы, хоть бы все прибыли. Хоть бы всё было так, как запланировано и утверждено...

Она тревожно, готовясь прикрикнуть, обернулась на кучковавшихся мужичков – пора звать Геннадия, велеть, чтоб был начеку – подхватить, если что, сумку тяжелую, помочь устроиться в автобусе. По крайней мере – проявить внимание. Но прикрикивать не пришлось, кучка уже рассыпалась, мужички направлялись навстречу прилетевшим, одни радостно разводили руки: «Ну, здоро-овенько!», другие, нахмурясь, высматривали своих, а Геннадий подходил к ней, тоже глядя по пути на толпу прибывших.

Он первым и заметил одного из тех, кого они встречали: – Вон этот... замглавного.

Действительно, как всегда торопливо, с огромными связками книг и журналов в обеих руках, чуть поскальзывая на ледянистом снегу, шагал Юрий Вадимович Бойко. Улыбался то ли Валентине Петровне, то ли вообще – всему. Земле.

– Кстати, он давно уже главный, главный редактор, – тихо,

но внятно сказала Валентина Петровна водителю, а Юрию Вадимовичу, тоже с улыбкой, воскликнула: – Ну-у, здра-авствуйте! Лихо вы приземлились – и опомниться не успела!

– Да-да, мы тоже... Доброе утро!

Геннадий принял обе связки и понес в «Тойоту»; Юрий Вадимович распрямился, потянулся, и они с Валентиной Петровной, как старые добрые знакомые, обнялись, троекратно коснулись губами щек друг друга.

Они действительно были знакомы и почти дружны довольно давно – больше десяти лет... Бойко приехал тогда простым корреспондентом журнала «Российский Север» за материалом, а Валентина Петровна работала еще в администрации района, на той же должности, что и теперь, – начальником службы по связям с общественностью. Вместе они несколько дней на «Уазике» мотались по району, побывали на стойбище манси (сохранялось оно в большей степени как реликвия, музейный экспонат – уже давным-давно обитал этот народец много севернее, в других районах округа), объездили трассовые поселки газовиков, нефтяные вахты, леспромхозы, зверофермы... С тех пор Юрий Вадимович чуть ли не каждый год прилетал сюда то в командировку от своего журнала, то по приглашению пионерцев, а потом и «Обьгаза»... Во многом благодаря Валентине Петровне «Российский Север» и «Обьгаз» сдружились крепко и плодотворно: журнал публиковал материалы о компании, о ее работниках, а компания помогала журналу выходить в свет, ее генераль-

ный директор состоял в попечительском совете...

– Поздравляю с повышением! От всего сердца поздравляю! – сказала Валентина Петровна, оглядывая Бойко, привыкая к изменениям в его облике, произошедшим за время, пока не виделись.

– Спасибо, конечно... но это же, так скать, палка о двух концах... – нарочито-смущенное, слегка и шутливое в ответ. – Зарплата на десятку выше, а головной боли – того и гляди, так скать, обширный инфаркт...

– Ничего, ничего, Юрий Вадимыч, вы с вашей энергией... С прошлого лета, когда Бойко побывал у них последний раз, он заметно раздобрел, приобрел по-настоящему начальническую осанку; вместо громоздких очков школьного отличника на его лице теперь красовались современные, в тонкой серебристой оправе; из-под новой куртки-пропитки с пышным воротником выглядывал темный пиджак, белая сорочка, на брюшко спускался бордовый галстук. На плече висела всегдашняя – что-то между спортивной и футляром для ноутбука – черная сумка.

– Ну, вот мы, так скать, и прибыли! – отобнимавшись, отздоровавшись, сообщил Бойко и, повернувшись боком к Валентине Петровне, обвел рукой прибывшую с ним делегацию. – Все, так скать, налицо. Никого не потерял.

– Да уж вижу, вижу!

– Прошу любить и жаловать, – продолжал Юрий Вадимович, обращаясь уже к москвичам, – наш, не люблю этого сло-

ва, куратор – Валентина Петровна Рындина.

– Да, это я. Здравствуйте!.. Что ж, садитесь в автобус, пожалуйста. Ближе познакомимся, с вашего позволения, за завтраком. Очень плотный сегодня день.

– Конечно... да-да... – закивали гости.

Одни тут же стали забираться в салон, другие спешно докуривали сигареты... Геннадий, судя по глазам, был озабочен – как всех разместить. Вроде бы сидений хватает, но вот вещи... Пачки с книгами, сундук звукорежиссера, баул певицы, чемоданы поэта и фольклориста...

«Прокольчик! – тут же укорила себя Валентина Петровна. – Нужно было просто “Газель” брать, а не шиковать с этой “Тойотой”!..»

И машинально, но и привычно-цепко она выхватила взглядом две-три-четыре фигуры, определила: «Этих бы можно и не приглашать».

Вообще она слегка обиделась на Юрия Вадимовича за подбор делегации – он рисовал ей кандидатуры по телефону, расписывал, какие это известные люди: умница-профессор, живой классик-поэт, молодой модный прозаик, стремительно набирающая популярность певица!.. «И практически все – первоклассные говоруны, публике не дадут закинуть!» Но теперь, вживе, они оказались как на подбор невзрачны, сероваты. Будто подкисшие.

Особенно не понравился ей самый пожилой – наверное, тот самый профессор-литературовед, о котором Юрий Ва-

димович говорил, что родом тоже откуда-то с Севера, чуть ли не крупнейший сейчас знаток поэзии двадцатых-тридцатых годов. А выглядит, прости господи, как бичара какой-то: полтора метра с кепкой, худой, кривоплечий, курит в кулак, кепка засаленная, хоть щи вари. Портфель морщинистый, ручка скотчем обмотана... Или этот – этого она сразу узнала – народный артист России, сыграл ролей двести в кино, у Тарковского даже снимался, но сейчас, увидев его, его сутуловатую фигуру, испитое лицо, тонкие синеватые губы, седоватый ежик волос, Валентина Петровна вспомнила только один фильм с его участием, где он играл шофера-камазиста, любящего остограммиться после работы и матернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.